

ЕЛЕНА КОЛИНА

ПРОФЕССОРСКАЯ
ДУЧКА

ДУРА НЕСЧАСТНАЯ,
ИДЕАЛИСТКА ХРЕНОВА!..

АСТ

Елена Колина

Профессорская дочка

«Елена Колина»

2007

Колина Е.

Профессорская дочка / Е. Колина — «Елена Колина», 2007

ISBN 978-5-17-046495-1

Любимый сюжет на все времена – Золушка и принц. Современная Золушка – это питерская переводчица Маша, большое городское одиночество, врунья и болтушка. Не подумайте, что Маша питекантроп, ее возраст можно определить не только по костям, но и по паспорту, – ей тридцать семь лет. Современный принц – успешный продюсер, возможно, даже медиамагнат, к тому же он очень красив. Странная у них любовь – любовь-интрига, любовь-обман, любовь-перевертыш. Кто же на самом деле Золушка-переводчица – умелая соблазнительница или жалкая растрепанная, владелица миллионной коллекции или нищая идеалистка, знаменитая писательница или дура несчастная? И кто принц-продюсер – хозяин жизни или закомплексованный неудачник?..

ISBN 978-5-17-046495-1

© Колина Е., 2007

© Елена Колина, 2007

Содержание

Февраль	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Колина

Профессорская дочка

Есть вещи настолько серьезные, что мы вынуждены над ними смеяться.

Нильс Бор

*Все любят сласти, игры и сказки,
Все лепят и строят – подумай, дружок.
У каждого ясные детские глазки,
И каждый смеется и свищет в свисток.*

Саша Черный

В начале книги бывает Предисловие автора, а это – Прошу-прощения-читателей автора.

1. Простите за то, что наша Маша:

- НЕ богатая,
- НЕ гламурная,
- НЕ успешная,
- НЕ юная дева.

Нет-нет, не думайте, что Маша – питекантроп и ее возраст можно определить только по костям. Можно и по паспорту – ей тридцать семь лет.

Маша – это такое большое городское одиночество. Толстое.

Не знаю, можно ли с Машей пойти в разведку. В кафе с ней точно можно пойти – гарантированно приятно проведешь время. Но с другой стороны, зачем Маше в разведку? Есть в ней какая-то уклончивость, неопределенность, ни за что не принадлежность ни к каким течениям современной мысли, партиям, аудиториям, конфессиям. Кстати, о конфессиях – на шее у Маши крест и магенда-вид, шестиконечная звезда. И то и другое, представляете? Совсем с ума сошла. Получит когда-нибудь от тех и других, будет знать.

Маша растрепанная, с умным некрасивым лицом, небогатая, негламурная, неуспешная, неприбранная... Замарашка – вот она кто. На кофте одно свежее пятно от кофе и одно вчерашнее... да... и пепел она нечаянно стряхнула себе на грудь, и машина ее сегодня обрызгала.

Хотя бы и так, но Машины Настоящие Друзья отчего-то считают, что Маша, которая вся в стиле ретро, – герой нашего времени. Считают, что Маша – это наше все.

2. Простите за многократное использование сниженной лексики, но что же делать, если одна богатая гламурная дама именно так разговаривает. Считает себя Персоной, а сама отказывается выразить свои мысли культурно!

3. Простите за то, что интрига отвечает привычному образцу, – Маша его полюбит. Получается, что умная и интеллигентная Маша полюбит кого угодно только потому, что у нее никого нет, кроме Чемодана... Чемодан – это Машин американский любовник.

Бывают люди, про которых ничего не понятно. Из какой они части жизни. Читали ли они «Войну и мир» или только «Машу и медведя». Кто у них мама-папа, что они знают, а что невероятными усилиями заставили себя знать, есть ли у них семья, дети, высшее образование и хоть какая-нибудь сексуальная ориентация. Над какими шутками смеются: простодушными, как макароны по-флотски, или изысканными, как фуа-гра. Это люди – черные ящики, вещи в себе.

Как правило, если совсем про человека ничего не понятно, то человек этот self-maid. Сам себе папа Карло, сам себя вытесал из природного материала. Это вызывает уважение, но не

отменяет некоторого беспокойного недоумения. Потому что по ходу общения много возникает недоразумений.

– Ах, Мадрид, ах, «Prado»! – говорит один собеседник.

– Ая «Prada» меньше люблю, чем «Версаче», – замечает второй, черный ящик.

То есть он любит, конечно, но меньше... Первый волнуется: ах, он не знает, что «Прадо» – это музей, это Ве-ласкес, Мурильо, Гойя, – ах, мы с ним совершенно чужие!.. А вдруг этот черный ящик меня укусит?! Или я сам его укушу?... Но затем любитель «Версаче» заводит разговор о поэзии, и читает раннего Бродского, и позднего тоже читает. Первый опять волнуется: мы очень-очень близкие, мы одной крови – он и я!.. Человека в течение одной беседы бросает от полной растроганности до злобно-вежливого оскала и обратно, а все от того, что ему непонятно.

Даже если человек не собирается с этим черным ящиком в близкие отношения вступать, а хотя бы просто в какие-то, ему хочется чувствовать себя в безопасности, хочется сладкой расслабленности, а для этого ему нужно знать. Такой нам генетический код достался с прошлых времен, когда все всем были конкуренты, – зазеваешься, и мамонта уведут, или женщину уволочут, или вообще съедят, пока ты болеешь или в отпуске. Так что с черными ящиками сложно...

Но сами закрытые люди, эти черные ящики, находятся в большей безопасности.

В большей, чем кто?

Чем Маша. Уж кто не ящик, тот не ящик. Про Машу сразу же понятно ВСЕ. Все-все! Маша не self-maid. Не сама себе папа Карло, не сама себя вытесала из природного материала. Маша произошла от своего папы и своей мамы.

Итак, вид – интеллигентная питерская девушка не первой молодости. Подвид – Маша.

Одета Маша не по моде, а по совести – что двадцать лет назад носила, то и сейчас носит.

Маша небрежно замотана в тряпки. Юбка длинная, рубашка широкая, свитер бесформенный, кофта растянутая, платок – и это еще не все, что обычно последовательно надето на Маше. Она не городская сумасшедшая, у нее такой стиль, богемный.

При первом же взгляде на Машу понятно, какие книжки Маша читала, что она из хорошей семьи, что воспитана в старых правилах, – по какой-то предупредительной вежливости она так скромно себя обозначает в пространстве, словно старается поменьше места занимать, хотя вообще-то Маша – девушка крупная, полноватая даже.

Понятно, что у нее папа – профессор, и сама Маша – растрепанная интеллигентной профессии. Может быть, переводчик, может быть, программист, может быть, доцент кафедры катализаторов. Что в раннем детстве ее дразнили Машка-замарашка, а она с выражением лица «непротивление злу насилием» стояла в стороне, и так продолжалось до тех пор, пока все немного не подросли и не обнаружили, что остроумие и живость тоже кое-чего стоят.

Нет сомнения, что Маша не замужем. И детей у нее точно нет. Ни озабоченности, ни обреченной заведенности на одного мужчину – ничего такого, только любопытный блеск в глазах, жизнерадостный.

Отдельное Машино свойство, не видовое, – у нее на лице непременно какое-нибудь выражение. У Маши все на лице, все, что у нее в данный момент есть.

Часто бывает выражение отрешенного недоумения от того, что она задумывается, уходит в себя, и там, в себе, ей интересно. Бывает обида, детская, как будто она неожиданно получила пощечину и сейчас будет долго, со вкусом плакать, – нормальные люди уже к третьему классу научились такое выражение незащищенности миру не предъявлять. Хорошо бы Маше тоже не вывешивать свои чувства на лице, как белье на веревке: во-первых, Маша только выглядит светской болтушкой, уверенной в себе, а на самом деле сбить с нее уверенность можно одним

щелчком. К тому же выражение детской незащищенности вступает в смешное противоречие с ее внешностью – она же все-таки дама. Вернее, была бы дама, если бы ей другую одежду. И другие манеры. И ко всему этому другую Машу.

Маша – человек в разговорном жанре. С Машей все любят разговаривать: прохожие, соседи и даже блуждающие водопроводчики заходят к ней поболтать о жизни. Она охотно вступает в беседу и в отношения. Маша любит пить кофе и разговаривать, обливаясь кофе и обсыпаясь пеплом. Маша обычно громко смеется и машет руками.

Маша пьет кофе и курит, и разговаривает, потому что мама с папой ей это разрешили.

Маша постоянно говорит «папа говорит», но не нужно считать, что Маша – девочка-переросток с полуоткрытым ртом в переднике с белочкой, нет, она нормальная Маша, у которой были мужчины. Мужчины-друзья-любовники. Но уже два года у нее никого нет или почти никого. Просто она очень любит своего папу, поэтому через каждое слово повторяет «папа-папа», как будто папа тут, за дверью... Так и хочется ей сказать: «Ну ты же взрослая женщина, Маша, что же ты все время папкаешь, Маша? Где та жизнь, Маша, где твой папа-профессор, где прошлогодний снег?»

У Маши много Настоящих Друзей – ее очень любят знакомые, знакомые знакомых, случайно забредшие в дом водопроводчики, ну и конечно, бывшие сокурсники. Это они говорят: «Машка, ты – наше все», не имея, конечно, в виду, что Маша – солнце русской поэзии. Маша для них осколок прошлого, олицетворяет непрерывность жизни и своего знаменитого папу-профессора, о котором приятно сказать «я учился у такого-то», в общем, некий утес, который стоит недвижимо, пока шаловливые волны обтекают его со всех сторон.

Правда, волны выплескиваются к Маше на кухню нечасто – с каждым из Настоящих Друзей Маша видится приблизительно раз в два-три года. Но как же чаще? Бывшие Машины сокурсники очень успешные – кто в бизнесе, кто в телевизоре, а кто во власти. Каждый Настоящий Друг, появляясь у Маши, часто говорит о других сокурсниках: «Не хочу, чтобы ты думала о нем плохо, но он непорядочный человек». Маша округляет глаза и говорит: «Правда? Нет, не может быть, я точно знаю...»

Если подумать о людях похуже – им, таким успешным, приятно и успокоительно, что вот она, Маша, а вот ОНИ. Они часто говорят: «Машка, ты герой». Что под этим подразумевается, в точности неизвестно – что Маша не во власти и не в телевизоре, и ничего, довольна? Или что она не сетует, что была профессорская дочка, а вот теперь она кто?... Что предстояло ей, а вышло – им?...

Если подумать о людях получше – им, таким успешным, приятно и успокоительно, что Маша совершенно, нисколько, напрочь не имеет понятия о многих важных вещах – что такое инвестиционные фонды, административный ресурс и пакетная сделка, – знание обо всем этом все же немного меняет взгляд на мир, взгляд на мир становится неуверенно жуликоватым... или уверенно жуликоватым.

Ас Машей можно отдохнуть душой, Маша какая была, такая осталась, те же очки, те же книжки, те же словечки. Маша – подруга про запас, когда нет ничего более интересного или когда что-нибудь случается, очень плохое или очень хорошее.

Да, а очки на ней – зеленые. Как в Изумрудной стране, где все жители носили волшебные зеленые очки и у них поэтому всегда было лето. Вот и Маша тоже видит людей не такими, каковы они на самом деле, а немножко позеленее, поярче, порадостнее.

У Маши странный дом, дом, в который попадаешь как в другой мир, – в этом мире всегда кто-нибудь пьет кофе и разговаривает.

А вот что касается стакана воды, то стакан воды ей, в сущности, подать некому. У Маши есть родственники в Русском музее, но они не в счет, потому что они на портретах. А все Машины многочисленные собеседники с удовольствием при случае подали бы ей стакан воды, но ведь они приходят нечасто, у них с Машей необязательные отношения. Близких, тех, с кем

идет ежевечерний перезвон, кому можно рассказать, сколько пельменей сварил себе на ужин, у Маши нет.

Так что, если бы Маша вдруг улетела на Луну, никто бы не спросил: «А Маша-то наша где? Уже два дня не звонила». Ада тоже не в счет, и Димочка, потому что они – старый и малый.

Маша, которая почти никогда не бывает одна, очень, просто ужасно одинока и от одиночества с возрастом становится все более застенчивой. Все – менее, а она – более, такой феномен.

И последнее, чтобы не считать, что она уж совсем ум, честь и совесть нашей эпохи, – Маша не без недостатков.

...Врунья, болтушка и старый нос. Старым носом ее называл папа за любопытство к детективам жизни.

Февраль

Кажется, понедельник

...тайна любовь деньги очень решительное дело или по-спать а не тайна любовь...

Интересно, во всех людях два разных человека: один – Мария Суворова-Гинзбург, а другой еще кто-нибудь? Вообще-то во мне три... три разных человека. Один вполне солидный, только что закончил перевод инструкции к стиральной машине, перешел к посудомоечной и заслуженно крутится перед зеркалом в халате и бусах. Второй хихикает над ним тонким противным голосом, а третий... третьему всегда четыре года.

Суворова-Гинзбург – красиво, конечно, но слишком уж роскошно, как будто я представитель знатных родов. Но дело именно в этом – и мама, и папа хотели сохранить во мне свой род.

Папа хотел назвать меня Людвигой в честь Бетховена. Мама смеялась и предлагала ему поменять фамилию на Бетховен, чтобы я могла быть Людвиг Бетховен. Так что все еще неплохо обошлось: я Маша – в честь мамы, а маме и папе удалось сохранить во мне свой род. Хорошо, что им не удалось сохранить во мне род Бетховена.

В школе одни учителя называли меня Суворова, другие Гинзбург. А учительница труда обращалась ко мне «Сухово-Кобылин». Это было... неприятно, тем более я плохо успевала по труду.

Я вообще в начальной школе плохо успевала, например, единственная пришла в школу, не умея читать. Это потому, что моя няня не умела читать.

Зато я сказала учительнице: «Теперь вы моя самая любимая блядь...» Не думаю, что я так уж ее полюбила, скорее хотела немного подлизаться и стать своей. Моя няня так называла моих кукол: «Бери свою любимую блядь и не мешай мне...» Я думала, блядь – это ласковое слово.

...Все утро провела в пучинах мрачности. Не то чтобы там, в пучинах, меня так уж сильно занимал вопрос, бывает ли вислоухий нос, но все-таки.

«Все на свете – чепуха-а, остальное – вра-аки», – напевала я. Детские стихи Саша Черного хорошо ложатся на музыку, я люблю их петь на разные мотивы.

Многие считают, что я противно подвываю все на один мотив, но это неправда – у меня прекрасное музыкальное образование. Домашнее, потому что в музыкальную школу меня не приняли, ну и что?

Так что я пела и кружилась перед зеркалом в халате и желтых бусах. Сделала умильное лицо и покачалась из стороны в сторону – стала немного похожа на цирковую медведицу Машу, она так застенчиво и неловко топчется под бубен в яркой длинной юбке и бусах.

Я почти никогда не задумываюсь о своей внешности, к тридцати семи годам можно уже к себе привыкнуть и не вопрошать изумленно перед зеркалом: ах, кто это туту нас, такой нехорошенький? Но сегодня... Сегодня у меня Очень Решительное Дело. Мне нечасто предстоит Очень Решительное Дело, обычно все происходит как-то так... как-то само собой... в общем, «не мы двигаем, а нами двигают», но когда предстоит, я вдруг от робости задумываюсь, как же я выгляжу со стороны. И... и как?

Лицо у меня, папа говорит, интеллигентное. Из пухлых интеллигентных щек высовывается интеллигентный нос. «Ах ты, мой вислоухий носик...» – говорит мне папа. Это он ласково преувеличивает, нос как нос, с горбинкой.

Глаза у меня... небольшие, глазки как глазки, папа говорит, умные, поблескивающие, зеленые, за очками не видно. Волосы взвиваются над головой черным кудрявым облаком, как у нечесаного пуделя. Один папин аспирант говорил, что я очаровательно некрасива. Что я похожа на девушек Гойи, с их тяжелыми веками и асимметрией в лице, но нет, это неправда – Гойя все-таки жил в восемнадцатом веке, а в двадцать первом веке я похожа на пуделя.

Папа говорит, я – налюбителя. Интересно, налюбителя чего – интеллигентных носов?

Хорошо, я – на любителя, любителя нечесаных пуделей. Я довольно увесистый пудель – метр шестьдесят четыре, шестьдесят четыре килограмма. Прежде считали бы, что я – идеал, потому что две последние цифры роста должны совпадать с цифрами веса, а теперь считается, я толстая.

Пойду к Нему. Сегодня пойду, сейчас пойду. По Очень Решительному Делу. Я уже давно мысленно перебрала все самые решительные на свете слова. Например: «Прости, но я...» или: «Можно мне...» Или даже просто: «НУ?» Да, пожалуй, просто «НУ?», без объяснений. Будет неплохо.

Переоделась во все черное-длинное-висячее и другие бусы, красные, и еще покружилась. Одежда должна отражать внутренний мир человека, и черное-длинное-висячее отражает мой внутренний мир, а чей же еще?...

У меня идеальная фигура, классическая – покатые плечи и пышная попа. Если у человека идеальная классическая фигура, то ему место в музее, в греческом зале, а так его внутреннему миру лучше быть во всем длинном-черном-висячем и в бусах.

Я кружилась перед зеркалом и пела: «Пойду-у-у!.. Да, да, да-а!...»

Вообще-то нет.

Сняла все длинное-черное-висячее, надела папин узбекский халат и тюбетейку – халат и тюбетейку папе подарил аспирант из Ташкента. Надела другие бусы, зеленые, покружилась перед зеркалом и еще кое-что спела: «Да, да-а, сейчас пойду-у к Нему-у, но за-автра».

Завтра – правильный день для Очень Решительного Дела. А сегодня – нет, неправильный. Я придерживаюсь принципа: для одного дня достаточно одного дела. Петь и кружиться перед зеркалом в бусах – Дело Дня.

А сегодня мне есть чем заняться – деньги еще никто не отменял.

Вообще-то я строитель кораблей. Я училась у папы, на судостроительном факультете, на кафедре теории корабля, по специальности настолько секретной, что у нее не было даже названия, а только номер – восемнадцать.

Я не такая способная к специальности номер восемнадцать, как папа. Но мне все-таки пришлось изучать специальность номер восемнадцать. Это очень хорошо, что я мучилась и изучила, – а вдруг бы мне пришлось еще когда-нибудь с ней столкнуться? А так я уже больше никогда не имела с ней дела.

Специальность номер восемнадцать мне не пригодилась, а вот языки... Папа не зря обучил меня всем языкам мира. Немецкий, хорватский, албанский, суахили, фарси... Если бы я в совершенстве владела этими языками, цены бы мне не было. А так у меня есть цена. Перевод с английского – пять долларов лист. И перевод с немецкого – пять долларов лист. Пять долларов еще никто не отменял.

Я всегда работаю в папином халате и тюбетейке – а сейчас я уже в халате и тюбетейке. Немедленно садись за компьютер, Маша Суворова-Гинзбург!

Так, где я вчера остановилась? А-а, вот здесь, в очень интересном месте.

**...Перед использованием посудомоечной машины «Трио»
внимательно ознакомьтесь со следующими инструкциями.**

Рекомендуем Вам сохранить инструкцию по эксплуатации, она может еще пригодиться. Перед установкой «Трио» спишите серийный номер изделия, который написан на табличке, расположенной на задней стенке. Этот номер может понадобится в дальнейшем при обращении в сервисную службу...

Вторник

По Очень Решительному Делу не пошла. Оправдания нет.

Но если хорошенько подумать, оно есть – в садике у Михайловского замка встретила Аду в малиновой шляпе-таблетке с черной капроновой вуалью. Аду в таблетке с вуалью можно считать Делом Дня.

* * *

– Какое блядство, Машка! – выкрикнула Ада вместо «здравствуй».

Ада прогуливалась с Семой. По-настоящему ее зовут Аделаида – очень красивое имя. Аде под шестьдесят или даже под шестьдесят два, но, когда мы с ней познакомились, она сказала: «Блин, жизнь слишком коротка, чтобы называть меня Аделаида Дмитриевна. Просто Ада. Ада звучит культурней».

Ада помешана на культурности. Может быть, поэтому она так любит шляпы – хочет, чтобы о ней говорили «тоже мне, интеллигентка, в очках и шляпе»? А может быть, Ада носит шляпы, потому что в душе она творческая личность.

У Ады есть большая квартира в нашем доме, с парадного входа, с видом на Летний сад и Михайловский замок, а у меня во дворе, во флигеле. Большая квартира, большой джип, большие серьги, большая шляпа и большой кот, да Ада и сама большая. Раньше про таких женщин говорили «она хорошего роста». Ада хорошего роста и хорошего веса.

А ей еще нужна большая культурность, зачем? Впрочем, каждый человек о чем-нибудь мечтает, я, к примеру, мечтаю о коте. Это пустые бесплодные мечтания – не решаюсь, боюсь, а вдруг все коты такие, как Сема, и всегда полностью забирают власть в свои руки?

– Вот, гуляем. Он в последнее время очень увлекается свежим воздухом. – Ада кивнула на Сему.

У Ады нет родственников, кроме Семы. Кот Сема – такое наглое жирное избалованное существо, что кажется, будто Ада живет у кота, а не он у нее.

Кот раньше был Сенькой, пока кто-то не сказал Аде, что в хороших петербургских семьях кто-нибудь непременно еврей. Ада переименовала кота в Сему и хвастается: «В хороших семьях всегда кто-нибудь еврей, у меня – кот». Я никогда не знаю, когда она шутит, а когда всерьез.

Рассказывая о своей молодости, Ада иногда говорит «а у нас на стройке...», иногда «а у нас на флоте...», иногда «ау нас в буфете...». Если человеку нравится представлять свое прошлое окутанным таинственной дымкой, почему бы нет?

Не важно, кем Ада была, главное, что Ада не потерялась в новой жизни. У нее риелторская компания, она продает квартиры, а особенно удачна была последняя сделка, не помню с чем – с Петродворцом? Может ли быть, чтобы Аде удалось продать Петродворец?... Переспросить неловко, теперь уж придется не знать.

– Да, так я и говорю: какое блядство! – повторила Ада.

– Что случилось? – спросила я.

– Представляешь, разделась сегодня, на жопе ни одной морщинки...

– И что? – все еще не понимала я.

– Что?! Так никто же ее не видит!

Ада энергично махала Семой и морщилась от переполнявшей ее злости.

– Ада... Ада, вы сами просили меня поправлять некоторые ваши выражения, вы не передумали?... Если вы не передумали, чтобы я поправляла... Тогда, Ада, вместо слова, которое вы употребили, ну, на котором у вас нет ни одной морщинки, – я его ужасно не люблю, – можно сказать «попа». А вместо слова «блядство» можно сказать «какой ужас, какая обида»...

– Ты считаешь? Ну-ну, – неопределенно отозвалась Ада. – Я и говорю: какая обида, какое блядство! У меня уже месяц как никого нет!

– Понимаю. – Я сочувственно кивнула. – Я пойду?

– Маша! – Ада навалилась на меня всем телом и прицепилась к моему локтю. – Ты чего морщишься? А-а, я на твоей ноге стою...

– Нет-нет, все в порядке, – поспешно сказала я, – мне не больно.

– Мне не больно, курица довольна, – передразнила Ада. – Машка! Ты мне сегодня приснилась, у тебя в руке была бутылка виски... Виски – это к перемене жизни. Твоя жизнь вот-вот переменится.

Ада увлекается снами – каждую ночь видит сны, а потом толкует их по старому соннику. Откуда в старом соннике бутылка виски?

Пока я не познакомилась с Адой, я не знала, что шестидесятилетние владелицы успешных риелторских компаний могут кричать на всю улицу «какая обида!» и «попа».

– Боюсь, что мне пора, – сказала я.

– А чего ты боишься-то? Пора, так иди, – кивнула Ада, все еще стоя на моей ноге, – я тебя не держу.

Какие у меня с ней отношения?

А) Дружеские.

Ада – моя подруга, в том смысле, что она может рассказать мне все, что захочет. Мы часто вместе гуляем с Семой.

Б) Деловые.

У нас с Адой сложноорганизованный бизнес. Ада – коллекционер. Она коллекционер одной картины, моей.

Ада долго уговаривала меня продать ей акварель Бе-нуа. Или лучше Бенуа и еще что-нибудь, все равно что – чтобы у нее сразу же была настоящая коллекция. Объясняла, что это очень выгодная для меня сделка: она сразу же становится коллекционером, а я получаю деньги, не выходя из дома. «Ты такая тетеха, кто же тебя обманет, кроме меня», – сказала Ада.

А дальше... Однажды у Ады в очередной раз решалась личная жизнь. «Дай одну Бенуа повисеть, – попросила Ада, – у тебя их две, а я на первом свидании должна выглядеть культурно». Она собиралась представить дело таким образом, что они с Семой – коллекционеры из дворянской семьи. Вот я и дала ей Бенуа – на время. Понятно, что я не рассталась бы с Бенуа, даже если бы мне пришлось умереть под ним от голода и злобы! Но дать Аде на время – это совсем другое дело.

На время уже давно прошло, и теперь я не знаю, что мне делать... Ох, неужели так прямо сказать: отдайте Бенуа? Получится нехорошо, неловко – как будто я подозреваю Аду в том, что она специально забывает вернуть мне Бенуа... подозреваю ее в нечестности, в обмане. Обидеть Аду очень легко...

Тем более Ада сама сказала: «Зачем тебе ее забирать? Ты всегда сможешь посмотреть нашу Бенуа у меня. А потом я завещаю тебе всю мою коллекцию, всю мою картину. Не завещать же Бенуа коту, он ее продаст, когда меня еще в гроб не успеют положить». Ну... ну да.

Может показаться, что Адина личная жизнь не имеет ко мне отношения, но и это не так: если у Ады в шестьдесят лет бурная личная жизнь, значит, вся моя бурная личная жизнь еще впереди.

Я спрашивала ее, не является ли возраст некоторой, совсем небольшой помехой, и Ада сказала – лично ей ничто не мешает, ни климакс, ни ботокс, ничто, кроме Семы. Сема – кот сильных страстей, – однажды он в припадке ревнивой ярости набросился на Адину личную жизнь, как Отелло, и расцарапал ей спину.

Может показаться, что с Бенуа я дура, но это не так. Однажды у меня в школе украли альбом с редкими марками, и я очень плакала. Папа сказал, что не стоит слишком сильно любить вещи, даже самые прекрасные – картину, дом, альбом с марками, – что они отомстят, и нужно любить прекрасное в себе. До сих пор не вполне понимаю, как можно любить альбом с марками в себе.

В любом случае я не хочу, чтобы Бенуа мне мстил, пусть лучше устраивает Адину личную жизнь.

Среда

Не смогла пойти по Очень Решительному Делу.

Может показаться, что я оттягиваю Очень Решительное Дело, но это не так – просто увлеклась посудомоечной машиной «Трио».

...Установка посудомоечной машины, произведенная с нарушениями, существенно влияет на безопасность изделия. Именно по этой причине установка должна осуществляться квалифицированным специалистом. В случае если установка, была осуществлена неквалифицированным специалистом с нарушением данных инструкций, компания «CANDY» снимает с себя всякую ответственность за любую техническую неисправность изделия, независимо от того, повлекло ли это порчу имущества или нанесение вреда здоровью.

При установке изделия необходимо предусмотреть доступ к изделию для проведения возможного техобслуживания или ремонта изделия в будущем...

Установка посудомоечной машины «Трио» квалифицированным специалистом – Дело Дня.

Четверг

«Трио» состоит из следующих частей: варочная поверхность, духовка и посудомоечная машина. В целях обеспечения безопасности не допускается ни при каких обстоятельствах какая-либо модификация изделия.

Это изделие предназначено только для домашнего использования.

Если Вы обнаружили какой-либо дефект, не подключайте изделие. В этом случае отключите его от сети и немедленно свяжитесь с...

Ох, звонок в дверь. Ура, что это он, но неудобно, что я в папином халате и тюбетейке. Или удобно? Где очки? Ну хорошо, в жизни бывает так, что можно обойтись совсем без очков.

Наконец-то! Не знаю точно, как называется его профессия, в общем, наконец-то он здесь, человек от мышей, мышевыводитель.

Вообще-то неловко приглашать в дом убийцу, убийцу мышей. Легко представить себе другой мир, в котором живут другие большие существа, не мы, а мы в том мире – мыши, маленькие и неприятные. Мы доверчиво заводимся в домах и рассчитываем обзавестись потомством и жить-поживать... и вдруг! Приходит кто-то с чемоданчиком и сыпет порошок на особенно привлекательные для нас места – на подушку в спальне, на шоколадный торт, на мандарины, на копченую колбасу, еще на жареную картошку, и мы... ах, и головка набочок...

Но с другой стороны, я встретила мышь не в другом, а в своем собственном мире: а) на кухне, б) в туалете... и глупо было бы уступить ей жизненно важные позиции.

Может быть, этот человек как-нибудь тактично уговорит мышь не появляться хотя бы на кухне?

Без очков я видела только его силуэт – большой, в чем-то длинном, в руке рабочий чемоданчик.

– Здравствуйте, спасибо, что зашли... – сказала я.

– У вас же черный ход! А мне говорили – парадный! Лестница жуткая, перед входом помойка!

Силуэт быстро прошел на кухню, взглянул в окно и вернулся в прихожую.

– А где вид на Фонтанку, на Летний сад – это?! Это помойка, а не Летний сад, – раздраженно сказал он. – Нет, даже две помойки! А почему последний этаж?! Как можно называть элитной квартирой этот скворечник, эту, это...

Скворечник! ЭТО!.. Знает, что я жду его как манну небесную, вот и позволяет себе несправедливые, необдуманные, нетактичные замечания... Скворечник! ЭТО!

Не ЭТО, а нашу квартиру папа получил за академические заслуги! Давно, в другой жизни – в шестидесятые годы прошлого века (звучит, как будто мой папа – народоволец или статский советник).

Ленинградцы тогда жили в коммуналках или переезжали в хрущевки на окраину, и отдельная трехкомнатная квартира на Фонтанке, напротив Летнего сада, – это и правда было за большие заслуги. Но папа бесконечно уступал всем, всем было нужнее, чем ему, и в итоге папе досталась двухкомнатная квартира во дворе, в желтом флигеле, на черной лестнице, такой узкой, крутой, безнадёжной – идешь и отчаиваешься. Последний, третий этаж, еще десять ступеней вверх, и вот наконец маленькая железная дверь, наша.

Так что теперь это не совсем престижная квартира. Зато бесценная – ведь никто не знает, сколько стоит метр площади около Летнего сада в желтом покосившемся флигеле у помойки.

– Черный ход, помойка... – возмущенно бормотал силуэт. – Это называется «элитное место»... Врет как сивый мерин...

– Я не вру, – растерянно сказала я, – то есть я бы с удовольствием, но папа говорит, что у меня все на лице написано, поэтому я никогда не вру как сивый мерин...

– Врете, – убежденно возразил человек от мышей. Господи, ну и ворчун...

Потом оказалось, что он-то, конечно, ворчун, ая дура. В его голосе все время звучало такое искреннее недоумение, что я могла бы по крайней мере надеть очки и посмотреть, кто ко мне пришел.

В очках я бы, конечно, сразу поняла, что этот респектабельный господин в длинном пальто (и в костюме, и в длинном шелковом шарфе) ни в коем случае не может быть человеком от мышей. И в руке у него не рабочий чемоданчик с инструментом для устрашения мышей, а красивый портфель с важными бумагами.

В очках я бы, конечно, не водила респектабельного господина по дому, предлагая ему повсюду поискать мышей, а уже в прихожей поняла, что это я – насчет мышей, а он – насчет

квартиры. Не моей, конечно, а просто он пришел посмотреть, а затем купить квартиру в нашем доме. И вместо парадного подъезда забрел на черную лестницу, третий этаж и еще десять ступенек вверх – перепутал. Как в кино.

Но я все еще была без очков.

– Не расстраивайтесь, – примирительно сказала я, – подумаешь, помойка у входа...

Человек от мышей возмущенно фыркнул.

– Ну хорошо, хорошо, не подумаешь, а помойка!.. Не стоит так переживать, я же тут живу, и ничего страшного...

– Что?! ВЫ живете? По-вашему, это аргумент?! – закричал он. – И в любом случае она для меня слишком маленькая, так что извините.

Маленькая? Но он же ее еще не видел!..

Неужели этот мышиный маньяк мечтает сразиться с титанической мышью с него ростом, а остальных, нормальных петербургских мышей просто не принимает во внимание?

– К тому же вы хотите за нее слишком много. Она не стоит таких денег, – жестко сказал он и повернулся, чтобы уйти от меня и моей мышки навсегда. – Всего хорошего.

Он считает, что я прошу за мышь слишком много?... Или слишком мало?

– Ох... Мы договоримся, я вам обещаю, что мы договоримся! – испуганно заторопилась я. Сейчас он уйдет, и я останусь один на один с мышью! – Но раз уж вы все равно тут, хотя бы посмотрите... Позвольте, я вам хотя бы ее покажу, пожалуйста...

– Это ни к чему. – Он рассеянно обвел взглядом прихожую. – Эй, а что это у вас, неужели подлинники?

В прихожей висит маленький пейзаж Саврасова (папа его не любит, говорит, слишком яркий), Крамской, коричневый на коричневом фоне, и эскиз Ге «Страсти Христовы» (папа говорит, мазня).

– Копии, копии, ни в коем случае не подлинники. – Это я соврала из осторожности, на случай если мышиный маньяк захочет их украсть. – Вообще-то они у нас из маминой семьи. Папа их не любит.

– Если у вас в прихожей передвижки, что же тогда в комнатах? – спросил человек от мышей. – Ладно, черт с вами, показывайте быстрее, мне некогда.

– Тогда сначала идите в туалет, – деловито сказала я.

– Мне не нужно в туалет, спасибо, – удивился он. – Покажите комнаты.

Я ни разу не встречала мышь в комнате, но он профессионал, ему видней.

– И вы тут живете? – присвистнул он, оглядевшись по сторонам.

Да, я живу, а кто же?

Когда новый человек заходит в комнату и, вместо того чтобы искать мышь, удивленно спрашивает: «И вы тут живете?» – то невольно на мгновение посмотришь на собственный дом свежим взглядом. И что?...

Ну, возможно, все это может показаться несовременным. Но у нас так.

Может быть, его удивило, что половину комнаты занимает рояль? На рояле лежат папины бумаги. Рояль удобней пианино, потому что под ним много места. Под роялем тоже папины бумаги. Папа с мамой играли Бетховена в четыре руки, папа невысокий, ниже мамы, на стул под-кладывал ноты. Мама сидела прямо, если он делал ошибку, останавливалась, строго смотрела. Папа – самоучка. Он говорил, что ему, как математику, легко читать с листа, асам делал ошибки... Подпрыгивал, покачивался, как будто не утомленными своими глазами водил по растрепанным нотам, а всем телом. Говорил, что Бетховен изменяет свойства его организма, что это уже физически не он.

У окна ломберный стол. Прежде за ним играли в преферанс, а сейчас на нем стоит мой компьютер. Ломберный стол маловат для компьютера, локти свисают.

Диван – всё как у всех. На этом диване я спала с пятнадцати лет и до сегодняшнего утра, он, кстати, ужасно неудобный.

А почему, собственно, я должна смотреть на свой дом свежим взглядом?... Пусть лучше человек от мышей смотрит на мой дом свежим взглядом и ищет, что ему полагается.

– Может быть, отодвинуть диван? – предложила я и немного подвинула диван. – А может быть, вы хотите заглянуть под шкаф? Неужели при таком беглом осмотре вам уже все понятно?

– Раз уж вы настояли на осмотре, я запишу. – Он вытащил блокнот. – Так... потолок протекает, паркет проваливается... Хороший специалист отличается от дилетанта внимательным отношением к мелочам... Покажите вторую комнату.

Вторая комната – папина.

– О... нет-нет, что вы. Туда нельзя. Там точно нет...

– Нет так нет, – легко согласился он. – Знаете, я вам честно скажу: она неликвидная. Похоже, вам придется с ней смириться.

– Но почему, почему?... Ну почему неликвидная? Почему смириться? А... может быть... жесткие радикальные меры? – взмолилась я.

– Жесткие? Радикальные? Иногда в этом бизнесе действительно применяют жесткие меры. Но это не ко мне... – Человек от мышей обвел рукой комнату: – А у вас тут... э-э... так много всего...

Да, а что?... Если люди прожили в своем доме несколько десятилетий и жизнь их была такой блестящей, как у моих родителей, этой жизни так много, что она отовсюду вылезает. Книги, фотографии, картины и картинки, папины дипломы на иностранных языках, подарки аспирантов – как тут можно придерживаться какого-то одного стиля?... У нас есть по-настоящему ценные вещи: диван модерн, буфет ампир, консоли тоже ампир, но они стоят вперемежку с полированным сервантом и серыми в кра-почку креслами семидесятых. Папа говорит, что эта мебель наивная и простодушная, к тому же он не любит перемен. У нас вообще много советских вещей, тех, что давно уже ушли из других домов, но это все память, подарки папиных аспирантов. Вот, к примеру, лакированный конь на доске, чуть ли не в полный рост, – куда его девать?... А вот еще доска, на ней сцена из басни «Лиса и виноград», пусть немного неумело, но один папин аспирант выжигал ее своими руками...

Можно сказать, что у нас стиль – эклектика. Да, эклектика, смесь всего на свете. Вот огромная лакированная лошадь смешивается с мраморным конем работы знаменитого петербургского скульптора Антокольского. Ну и что, что мраморный конь работы Антокольского лучше, чем лакированная лошадь. Лошадь – подарок папиного аспиранта из Пскова, а Антокольский умер в 1902 году в Германии и даже не был с папой знаком.

– Вы лучше в следующий раз говорите правду. Какой смысл врать, если все, так сказать, налицо... – хохотнул человек от мышей.

– Но я говорю правду! – жалко оправдывалась я. – Ведь мышь была, была! А... хотите кофе? У меня есть полчаса.

– Зато у меня нет. Я и так уже потерял с вами столько времени. – Человек от мышей посмотрел на часы и зло сказал: – Вот черт, из-за вас всюду опоздал!

В прихожей я протянула ему деньги:

– Ну... вот, возьмите... я же обещала вам, что мы договоримся...

Человек от мышей резко отступил к двери – как будто он никогда не берет денег, как будто он не профессионал, а любитель и ловит мышей бесплатно.

– Вы что, с ума сошли? – испуганно прошептал он.

– Но вы же пришли, потратили время... может быть, вы поможете мне позже... – убеждала я. – В конце концов, это долгое дело, не всё сразу, и так далее...

– Дорогая, – ласково сказал человек от мышей, – в каком смысле «не всё сразу»?... Давайте расставим точки в наших отношениях. Я пока еще нахожусь в здравом уме и никогда не куплю этот ваш скворечник, ни сразу, ни потом.

Я надела очки – оказывается, они все это время были у меня на голове – и неприлично охнула. Человек от мышей, он...

Он – чрезвычайно респектабельный господин лет сорока в длинном пальто и шелковом ярко-красном шарфе, длинноногий, широкоплечий, похожий на актера, – все время забываю его имя, его еще называют нашим российским секс-символом.

Секс-символ в пальто – такой гладкий, вальяжный. Победитель жизни (хотя не исключено, что такое впечатление складывалось из-за красного шарфа). И просто невозможный красавец – не тонкий интеллектual и не brutальный мачо, – а то бы я совсем испугалась. Нет-нет, просто качественный красавец на любой вкус, как киногерой из недорогого сериала, которые показывают днем по всем каналам.

Папа говорит, в природе все сбалансировано, и красавцы обычно неумны или страдают нарциссизмом, или эгоцентризмом, или еще что-нибудь. И в любом случае такие холеные красавцы, победители жизни, не бывают мышеловами.

– Простите, не обижайтесь, но вы... Вы – человек от мышей? – на всякий случай уточнила я.

– От мышей? – Респектабельный господин посмотрел на меня с опаской и сделал шаг к двери. – От каких мышей?... Я от Лидии Сергеевны из агентства недвижимости.

Боже мой, я никогда еще не чувствовала себя такой виноватой, такой идиоткой в халате! Я просила прощения, бормотала оправдательную чепуху про очки, которые потерялись у меня на голове... Представляю, как ему обидно, ведь я так грубо, так бесцеремонно нарушила его представление о себе – вряд ли этот господин, гладкий и успешный, как банка кока-колы, мыслит себя человеком от мышей...

Оказалось, ему не очень обидно. И мы стали улыбаться, усмехаться (он), хихикать, смеяться, хохотать (я), и все это веселье продолжалось еще несколько минут.

– Знаете, со мной такое не в первый раз, как будто я персонаж комедии положений, как будто я Бим и Бом... – честно сказала я. – Простите меня... Вот вчера, например... А может быть, вы все-таки хотите кофе? Меня зовут Маша, простите, пожалуйста... Со мной всегда что-нибудь случается, не обижайтесь...

– Больше не нужно извиняться, – строго сказал господин.

– Папа говорит, что привычка оправдываться развивается у человека, который вырос в недоброте. Я выросла в доброте, а все время извиняюсь и извиняюсь...

– Я ему не скажу, – пообещал господин и взглянул на часы.

– Вы и не сможете... – сказала я. – Папа умер год назад. И три дня.

– А-а... простите. Вы так о нем говорите, как будто он в соседней комнате...

Господин обвел взглядом прихожую, кивнул в направлении комнаты и уселся на диванчик в прихожей. На этом диванчике раньше всегда по утрам кто-то лежал – припозднившиеся аспиранты и все такое.

– Картины... У вас тут просто филиал Русского музея! Я тоже обвела взглядом прихожую и кивнула в направлении комнаты.

– Специальные замки, сигнализация? – поинтересовался господин.

А почему респектабельный господин интересуется замками?... Может быть, он грабитель, взломщик, карманный воришка, говорят, они бывают очень респектабельные.

– У нас никогда не было сигнализации, – ответила я, – и пока что нас не украли.

– Ну вас-то вряд ли кто-нибудь украдет...

– Почему же? – обидчиво спросила я. – А вообще да... Может быть, все-таки хотите кофе?...

– Кофе?... – рассеянно повторил господин. – Нет. Вы просто какой-то Обломов – бродите в халате, пьете кофе, никуда не торопитесь. Я вам завидую.

– А вы Штольц, все время торопитесь по делам... Я вам сострадаю.

И он ушел.

...Я – Обломов?! Я никуда не тороплюсь?! Я очень даже тороплюсь. Сегодня, пожалуй, я уже никуда не пойду, а пойду завтра. По Очень Решительному Делу. Потому что эту комедию положений со мной в главной роли можно считать полноценным Делом Дня.

Тем более папин халат на мне, тюбетейка тоже...

...Существуют следующие фундаментальные правила безопасности, действительные для всех домашних электроприборов. Несоблюдение любого из нижеперечисленных правил может привести к серьезным последствиям, повлиять на безопасность изделия.

– Никогда не прикасайтесь к электроприборам мокрыми или влажными руками или ногами.

– Не пользуйтесь электроприборами, когда Вы разуты...

Вадим

Как она сказала – «я вам сострадаю»? Такое несовременное слово.

Я очень рассердился на тупое упорство, с которым эта замарашка в халате и тюбетейке хотела втиснуть мне свой скворечник!.. Жизнь и без того сумасшедшая: встаешь в восемь утра, бежишь и уже куда-то опоздал, что-то упустил... и вот, пожалуйста, – понимаешь, что попал не туда и уже минут пять находишься не там. Но...

Но... у меня профессионально цепкий взгляд, и как только я заметил картины в прихожей, я понял, что нахожусь там.

...Сделать замарашку самому или отдать ребятам? Замарашка, чучело, тонкие, как у подростка, руки торчат из рукавов халата.

...Но не посылать же к ней человека. Придется самому.

Пятница

...не тяните за шнур питания, чтобы, вытянуть вилку из розетки...

* * *

Маша Суворова-Гинзбург (это я сама к себе обращаюсь). Не притворяйся, что ты не можешь оторваться от посудомоечной машины «Трио». Сегодня ты сделаешь Очень Решительное Дело. Быстро одевайся во все черное-длинное-висячее!

Я шла по Фонтанке почти вровень с медленно ползущими в пробке машинами и воображала себя тоже машиной, двигающейся в общем потоке, но по тротуару.

Какой машиной? Точно не «мерседесом», «мерседес» гламурный и не бывает во всем черном-длинном-висячем. Не грязно-серой «Волгой» – я в бусах и не такая старомодная. Не «мини» – я не такого, конечно, хорошего веса, как Ада, но тоже неплохого. Но и не джипом – не настолько у меня наглая повадка и громоздкий зад...

Я – «шестерка» «Жигулей» красная. Ох, черт – «шестерку» «Жигулей» красную обрызгали! Если в городе на Неве в эту жуткую жару найдется хотя бы одна лужа, то она непременно моя!

Я прошла Шереметевский дворец, такой бело-желтый, нарядный, огражденный решеткой с золочеными наконечниками, и остановилась у дома номер тридцать два. Закурила и, еще не докурив до конца, начала мечтать о следующей сигарете или о том, чтобы зайти куда-нибудь выпить кофе или еще как-нибудь оттянуть время, например заблудиться в лесу.

И тут мой взгляд упал на табличку в подворотне дома номер тридцать два, синюю, со стрелкой, указывающей в глубь двора. На таких табличках обычно написано «Прием стекло-тары», а на этой было написано «Прием психолога». Как будто человек может ехать по набережной и вдруг решить: а не заглянуть ли к психологу, раз уж я все равно торчу тут в пробке?

Или, какая, занервничать, остановиться покурить и – ах, какое совпадение, тут во дворе ведется прием психов, а я как раз псих, так не зайти ли?...

И я вдруг побрела по стрелке в глубь двора, как робкий неоперившийся пудель, почему? Ну, допустим, пудель был в таком смятении чувств, что мог бы направиться куда угодно, включая пункт приема стеклотары. Любовное томление, восхищение, ужас, природная нерешительность организма – такой компот эмоций может завести к психологу даже самого рационального пуделя.

Или – вот оно, самое лучшее объяснение – пуделя погнало в глубь двора подсознание. Волны подсознания сами приносят пуделя туда, куда ему нужно.

Мне было НУЖНО. Если прямо сейчас, у дома номер тридцать два, я совершу какой-то, пусть нелепый, но Поступок, тогда у меня и с Ним все получится.

В первом дворе была помойка, а во втором странное двухэтажное здание, похожее на склад. Это Питер, Питер, Питер – снаружи всегда какой-нибудь Шереметевский дворец, имперский блеск, золоченая решетка, а чуть шаг в глубину, и там та-а-кое... Склад, помойка.

Я вошла в странное здание и сразу же уткнулась взглядом в дверь с табличкой «Психолог».

– Тук-тук, – почему-то вслух сказала я голосом лисички, которая пришла в гости к зайчику.

За столом читала книгу очень полная женщина в белом халате с золотыми косами вокруг головы. Последний раз я видела людей с косами вокруг головы в первом классе, такая прическа называлась «корзиночка».

– Здравствуйте, вы психолог? Что же вы не спрашиваете, какие у меня проблемы? – с неприятным повизгиванием в голосе сказала я. Я всегда от волнения тороплюсь и повизгиваю, но... зато я знаю свои недостатки. Золотые косы отложили книгу и тепло улыбнулись:

– Какие же у вас проблемы? Вообще-то у меня две проблемы:

а) он,

б) я.

В том смысле, что я дура. Эта проблема звучит более глобально, ее и предъявить не стыдно.

– Я заикаюсь, писаюсь и боюсь ездить в лифте, – удрученно призналась я.

Господи, ЧТО ЭТО СО МНОЙ?! Интересно, есть ли у психолога тревожная кнопка на случай появления буйных?

– Вот как, – доброжелательно отозвалась психолог. – Это типичная реакция человека, впервые пришедшего на прием. Человеку нелегко признаться, что он нуждается в помощи.

– Да, так, – подтвердила я немного обиженно. Считаешь себя тонкой, особенной личностью, а оказывается, ты – всего лишь типичная реакция. – Хотя... у меня нет проблем. У меня –

никаких. Вот разве что... нуда... у меня есть Его проблемы, да... У меня проблема с эрекцией. То есть у Него проблема с эрекцией... И даже не столько с эрекцией, сколько с эякуляцией, да.

Психолог сочувственно кивнула.

Я недавно прочитала в одном женском журнале статью на тему эрекции и эякуляции. Суть этого научного труда сводилась к тому, что у мужчин обязательно что-нибудь не так, не одно, так другое. Как говорил папа, когда я поочередно приносила двойку и замечание по поведению, «не понос, так золотуха».

И еще одна суть статьи сводилась к тому, что, когда у мужчины возникает проблема либо с эрекцией, либо с эякуляцией, ни в коем случае нельзя решать эту проблему домашними средствами, а нужно срочно вести его к психологу.

– Вот я и пришла, – сказала я.

– А он сам? – спросила психолог. – Так сказать, лично?

– А он сам не смог. Занят, – объяснила я, – очень много работает. Бизнес и так далее...

И вот – проблемы.

Психолог понимающе кивнула – мол, знаем-знаем, не он один такой, и вдруг так нежно, совершенно по-домашнему, улыбнулась, что я почувствовала себя как яйцо в мешочек, внешне твердое, а внутри теплое, нежное и трепещет.

– А давайте мы с вами порисуем? – мирно предложили золотые косы. – Нарисуйте себя и своих близких.

– Что?... Ну... если вы хотите... давайте...

Не то чтобы я вообразила себя на уроке рисования в детском саду, просто... почему бы мне не порисовать немного в этом кабинете?

Я взяла лист бумаги и нарисовала человечка в левом нижнем углу.

Подумала и пририсовала человечку растрепанные волосы и круглые глаза. Это я.

Еще немного помедлила и нарисовала в правом углу солнце. Это я смотрю на солнце.

– А еще кто-нибудь там будет, на рисунке? – ласково спросила психолог.

– Нет, кто же еще? – удивилась я.

– Анна-Ванна! – раздался голос в коридоре.

– Попозже, я занята, – выглянула в коридор психолог и опять уселась напротив, толстая, уютная, золотые косы вокруг головы.

Я вдруг вспомнила детский стишок – вслух, потому что... потому что я все еще была яйцом в мешочек, нежным и расслабленным.

– Анна-Ванна, наш отряд
хочет видеть поросят!..

– сказала я.

– Уходите со двора,
лучше не просите,
поросят кормить пора,
завтра приходите,

– радостно улыбаясь, подхватила Анна-Ванна.

Анна-Ванна попросила меня нарисовать точку. Точка – это я. А вокруг точки нарисовать кружочки, кружочки – это самые близкие мне люди, животных тоже можно.

Я нарисовала точку, вокруг кружочек – папа – и протянула Анне-Ванне, как довольная детсадовка.

Я думала, она меня похвалит, а она сказала:

– На сегодня все.

Да?... Уже все? Я даже как-то расстроилась. А я могла бы еще нарисовать ей елочку...

Рядом со странным зданием было несколько чахлых кустов, горка и качели.

Вот оно что – склад оказался не совсем складом, а детским садом. Вот оно что – я была в детском саду в тихий час... Ну и что, что психолог из детского сада, это нисколько не меняет дела.

Анна-Ванна не взяла с меня денег – видимо, посчитала, что рисование и чтение стихов не оказало мне существенной психологической помощи. На самом деле она мне помогла. Я провела время в приятной беседе, рисовании и чтении стихов, а могла бы вместо этого нервно курить по дворам. На месте Анны-Ванны я вообще не тратила бы на клиентов слова, а брала с них деньги только за золотые косы.

Так что из двора дома номер тридцать два я вышла на коне, то есть с победой, – это была не совсем я, а новая, измененная личность.

Новая, измененная личность совершила Поступки:

– Вдруг, совершенно произвольно, сказала вслух «Ну что?!», при этом зверски нахмурила брови, немного оскалилась и прищелкнула зубами. Получилось неплохо – встречный прохожий отшатнулся от нее, то есть от меня, покрутив пальцем у виска. Это раз.

– Приняла максимально независимый вид и понеслась по Фонтанке, повторяя про себя: «Он ведет себя со мной неприлично, унизительно, р-р-р!» Это два.

Вообще-то я со своим максимально независимым видом неслась в противоположную сторону, то есть в сторону дома. Но ведь каждому понятно: визит в детский сад – это уже все, это Дело Дня.

Маша Суворова-Гинзбург. Завтра твоя новая, измененная личность сделает Очень Решительное Дело.

А завтра – суббота-воскресенье, ха-ха-ха.

Понедельник

Тайна, любовь, деньги, а больше ничего особенного – вот оно, мое Очень Решительное Дело.

* * *

Любовное томление, восхищение, робость – все это я испытывала в приемной. Сидела на диване, смотрела в окно на тополь и испытывала любовное томление, восхищение и робость, и еще у меня болел живот, от страха.

– Игорь Юрьевич просил подождать, – сказала секретарь. – Кофе?

– Кофе? Спасибо, нет, а впрочем, спасибо, да.

Если бы Игорь Юрьевич знал, что у меня проблемы с его эрекцией или эякуляцией, он бы удивился.

То есть, возможно, у него и есть проблемы, но откуда мне о них знать? Он – не мой любовник. Он – мой издатель.

Зачем я наврала психологу? Это другой вопрос. Наверное, какие-нибудь мои комплексы, а что же еще?

Я сидела в приемной и смотрела в окно. За окном были дождь и тополь. Любовное томление, восхищение, робость – все это я испытывала на этом диване уже минут двадцать.

Игорь Юрьевич не знает, что у него проблемы с эрекцией или эякуляцией. Игорь Юрьевич не знает даже, что он мой издатель.

Не то чтобы я рассчитываю прославиться на всю страну текстом про посудомоечную машину – у меня есть кое-что другое...

Мы с Игорем Юрьевичем – друзья юности, вместе учились у моего папы, и у нас был роман.

На первом курсе я хотела поехать в Болгарию. Это были еще советские времена, и нужно было прийти на комиссию и ответить на вопросы о компартиях и съездах.

Игорь – он был комсомольский секретарь нашего курса – подошел ко мне и сказал, что поможет мне подготовиться и правильно ответить на вопросы. Пригласил меня к себе в гости. Сказал: «Приходи ко мне домой, Мымрик, обсудим компартии». Мымрик – так меня звали на первом курсе, и на втором, и... Это просто такое прозвище.

Я была Игорю очень благодарна – у меня всегда были проблемы с компартиями. Не идеологические, а просто я все путала.

Ну, что там было, у него дома, понятно. Теперь в это невозможно поверить, но, когда он начал ко мне приставать, я так растерялась, что подумала: наверное, это тоже входит в подготовку к заграничной поездке. Я была не просто невинная девушка, а невинная дура, чемпионка среди всех невинных дур.

Я перестала считать, что у нас роман, только через полгода – за эти полгода Игорь ни разу ко мне не подошел. Да, в Болгарию я не поехала – пыталась убедить комиссию, что секретаря компартии Болгарии зовут Чижик Пыжков. Не знаю, что я имела в виду.

В конце пятого курса у нас с Игорем опять начался роман, и он пришел к папе просить моей руки. Папа сказал мне, что не отдал бы Игорю даже мою ногу, потому что Игорь – комсомолец. «Но у нас все комсомольцы», – возразила я. «Но не все секретари. Мы с секретарями в интимную связь не вступаем», – брезгливо сказал папа. «Но я...» – сказала я. «Решайсама», – сухо сказал папа и ушел в кабинет. Нет ничего хуже, чем когда человеку сухо, со специальным выражением лица говорят «решай сама» и сразу же – раз, и в кабинет...

Маме Игорь тоже не нравился. Она сказала, что он «беспородный». Мама была из дворянского рода, и это обычное дворянское дело – внимательно рассматривать, кто какой породы. Вот только почему мой папа, еврейский мальчик из белорусского местечка, был в ее глазах самой лучшей породы – это самая настоящая загадка любви...

В общем, они оба решили, что Игорь не той породы, и что мне было делать?... Я представила, что у меня будут дети с комсомольским выражением лица и папе они не понравятся... Так закончился наш роман.

Я понимаю, Игорь, конечно же, был, как теперь говорят, user – человек, использующий все, что попадает на пути. Он хотел папу, то есть диссертацию и карьеру, гораздо больше, чем меня. Ну и что, что?! Человеческой природе свойственно примешивать к любви тщеславие и разные другие посторонние желания. Так почему бы не уступить этой человеческой природе, если уж в ней заложено стремление к диссертации?...

К тому же, если человек спит с женщиной только из карьерных соображений, у него начинаются проблемы, о которых я на днях беседовала с психологом, – с эрекцией и эякуляцией, а у Игоря никаких проблем с эрекцией и эякуляцией не было.

После того как папа отказал ему в моей руке, Игорь сказал мне:

– Ты чего, Мымрик, ты что, думала, я всерьез?

– Да, – ответила я.

Игорь сказал, что и не думал всерьез о руке такого нелепого пуделя, такого мымрика, как я. Я не обиделась – просто некоторые люди могут ударить другого по лицу наотмашь, когда им больно. Думают, им так будет легче, если они ударят. А пуделем и мымриком меня все называли, не только он.

Нельзя сказать, что после Игоря у меня никого не было. По папиному мнению, у меня последовательно были: один неврастеник, два дебила и четверо не вполне достойных меня. А вот последние годы я так тихо жила... у меня совсем никого не было, кроме папы, потому что у папы уже никого не было, кроме меня.

Так что роман с Игорем был очень давно, и теперь между мной и Игорем ничего нет.

Когда мы с Игорем случайно встретились на Невском, у него уже было свое издательство.

Игорь издает трэш. Трэш по-английски значит «мусор» – модные романчики про любовь-морковь, популярные психологические книжки, например «Что делать, если тебя укусили». Уверена, что Игорь, человек с тонким вкусом, переживает, что пускает в мир такую чушь. Но держится молодцом, не показывает виду.

– Машка, сейчас все пишут, а ты как дура, – сказал мне Игорь, когда мы случайно встретились на Невском.

– Что пишут? – удивилась я.

Оказалось, книги. Я думала, что книги пишут только писатели или члены Союза писателей. А Игорь считает, что все... Неужели я тоже смогу – раз-раз, буковка к буковке, словечко к словечку?

Теперь между мной и Игорем ничего нет, только Тайна, Любовь и Деньги. Игорь Юрьевич пока не знает, что все это между нами есть.

Тайна

Я написала книжку – это тайна! Про человечков. Я бы хотела, чтобы никто не знал, что я написала книгу, потому что мне стыдно, что она ужасна, потому что... Человечки называются мумзики. Мумзики живут в квартире, в моей. Любители чтения живут в книжном шкафу, сладкоежки в кладовке, чистюли в ванной, а те, кто увлекается пением и танцами, живут в телевизоре.

Сюжет книжки такой: один мумзик выпил семь капель из волшебной бутылки с валокордином, превратился в мумзика-в-переходном-возрасте. Наделал всем много гадостей, а потом опять стал хорошим. Вообще конец очень хороший.

Книга называется «Варенье без свидетелей».

Я отдала Игорю «Варенье» два месяца назад. Игорь обещал прочитать очень быстро, за один день, и вечером позвонить. Я понимаю, что у него и без «Варенья» много дел, но два месяца, по-моему, достаточный срок, чтобы один друг юности прочитал «Варенье» другого друга юности.

Два месяца, что я ждала его звонка, я мысленно называла Игоря «Он». «Он» превратился в самого главного человека в моей жизни.

И вот уже три дня (четыре вместе с заходом в детский сад к психологу) я разучиваю уверенную фразу «Ну что?». Или «Ну как?». Я настроена твердо и ни за что не убегу из приемной, потому что не смогу встать со стула, – кажется, я окаменела от волнения.

Любовь

Мою любовь к литературе невозможно описать словами – как будто у меня в жизни нет ничего, кроме книг, как будто я старая дева в спущенных чулках и ботинках на разные ноги, как будто... Я так хочу, так мечтаю стать писателем!.. Папа говорит, что главное отличие настоящей

литературы от однодневок – это торжество духовности и красоты. Чтобы автор в конце не пожимал плечами: да-да, жизнь ужасна, а я что могу сделать?... Иначе говоря, обязательно должен быть хороший финал, особенно внимательно нужно следить, чтобы хорошим героям достался хороший финал... плохим тоже, они же могут исправиться?...

Тут у меня все в порядке. В моем финале добро побеждает зло. Не исключено, что «Варенья без свидетелей» – почти что торжество духовности и красоты, почти что настоящая литература. Главный вопрос – какое имя будет на обложке: Суворова, или Гинзбург, или Суворова-Гинзбург.

Деньги

Деньги... так сказать, гонорар. Я не особенно мечтаю о славе, я больше мечтаю о гонораре. Я понимаю, что первая книжка никому не известного автора «Варенья без свидетелей» не может стоить дорого. Недорого тоже хорошо. Тогда я смогу небрежно сказать Аде: «Сегодня получила гонорар, купила себе кефир и булочку...»

Гонорар мне нужен как... как просто деньги и чтобы быть настоящим писателем. Чтобы... если честно, я ненавижу посудомоечную машину «Трио» и др. Др. – это другие технические описания, которые мне приходится переводить. Гонорар мне нужен, чтобы писать книжки с утра до вечера, вот.

– Проходите, Игорь Юрьевич вас ждет... – сказала секретарша.

– Я могу еще подождать... или лучше я в другой раз. Буду мимо проходить и тогда уже сразу к вам... – сказала я.

Со стороны Игоря Юрьевича очень неглупо продержать меня целый час в приемной, за этот час я, начинающий автор, поняла, что Игорь Юрьевич вовсе не мой друг юности, а Издательство, а я так себе, ерунда.

– Нет, Игорь Юрьевич сказал – пусть она заходит.

Ох, я... может быть, попросить, чтобы меня внесли вместе со стулом? А в конце моего визита нас со стулом вынесли на улицу?... Иду, я иду...

– Машка, привет! – Не выходя из-за огромного стола, Игорь чмокнул воздух в мою сторону.

Папа говорит, что люди делятся на начальников и людей. Игорь – начальник. А папа всегда выходил из-за стола и усаживал посетителя в самое удобное кресло.

Я присела у стола в кресло, такое низкое, что я торчала из него коленями вверх, как из гамака, а моя голова почти лежала на столе, как будто я – говорящая голова без тела. И мне тут же показалось, что я нанимаюсь на работу и Игорь сейчас скажет: «Голубушка, вы нам не подходите...»

Игорь никогда не выглядит злым или обиженным, у него всегда такое аккуратное выражение лица, как будто он сообщает миру – «я хороший». Игорь похож на крупного красивого отличника, которого мама перед выходом из дома намыла и начистила.

Как нормальный человек может добиться такой стерильности, будто его только что выпустили из посудомоечной машины «Трио»?... Такой прически волосок к волоску? А у меня на кофте свежее пятно от кофе... Можно попробовать незаметно закрыть пятно бусами.

– Отлично выглядишь, – нежно сказал Игорь, – и такой у тебя... э-э... оригинальный стиль... Пудель в тряпках.

– Ха, – сказала я, – ха-ха.

Я очень завидую людям, которые умеют так холодно посмотреть: какой еще пудель в тряпках, что вы себе позволяете?! А я всегда глупо хихикаю, чтобы никто не подумал, что мне обидно. Трусиха потому что.

– Сам ты в тряпках, – сказала я. – А если ты намекаешь, что я похожа на городскую сумасшедшую, то это мой стиль и...

– Солнышко, ты классная, ты – другая, ты – кино не для всех, – улыбнулся Игорь.

С Игорем невозможно поссориться, потому что он всегда со всем соглашается. Ну погоди же, ты еще не знаешь, что я не пудель в тряпках, а решительный пудель, пудель, который был у психолога, пудель, готовый на все, на то, чтобы прямо спросить «Ну как?». Или даже просто «Ну?!».

– Ну?! – сказала я, сохраняя независимое выражение лица. – То есть я хочу сказать: ну как?

– Да все в порядке, – опять улыбнулся он. Игорь так и будет улыбаться, пока я не уйду. А интересно, когда я уйду, он будет продолжать улыбаться или вдруг начнет корчить рожи, или... – А ты просто так, в гости зашла, мимо проходила?

– Да, я мимо... Игорь... я понимаю, что это литература и в этой области все очень тонко, нет четких оценок, но все-таки, как тебе... а?

Игорь молча смотрел на меня... Все ясно, «Варенье без свидетелей» ужасно, а не звонил он потому, что не хотел меня обидеть...

– Игорь... Я понимаю, что это вообще не литература, а «Варенье»... – промямлила я и вдруг, в точности как синяя рука в детской страшилке кричит «Отдай мое сердце!», заорала: – КАК тебе мое «Варенье»?!

– Какое варенье? – удивился Игорь. – Мымрик, может, тебе водички дать?

Ох!.. Я была готова к тому, что происходит с нами, писателями, на каждом шагу: мы ждем, что нам скажут: «Дорогая Маша, это ге-ни-ально, особенно в том месте, где...», а нам говорят: «Какой кошмар!» Но что он просто забыл...

Сейчас главное, чтобы Игорь не понял, что он забыл, а то ему станет стыдно, неловко... Обидеть Игоря легко.

– Какое варенье? Варенье. Варенье вкусное?... – легко сказала я. – Сама варила. Терла, протирала. Ты забыл, а я волновалась, переживала, как тебе понравится мое варенье. В этой области все очень тонко, нет четких оценок, но все же апельсины с крыжовником... Оригинальный рецепт.

Игорь извиняющимся жестом показал – ах, забыл!

– Машка, прости... вкусно, очень вкусно. Молодец, я и не ожидал, что ты такая кули-нарка... Слушай, Мымрик, что ты все варенье варишь? А почему бы тебе что-нибудь не написать? В духе требований времени. Все пишут, а ты одна как дура...

– Что мне написать? – мрачно спросила я.

Игорь украдкой посмотрел на часы, и у меня тут же начало складываться впечатление, что сегодняшнее Дело Дня подошло к концу. Я попрощалась и вышла, но тут же вернулась и спросила, просто на всякий случай:

– Игорь. А чего он требует, этот дух?

– Ну... к примеру. – Игорь посмотрел на потолок, словно дух времени витал именно там. – К примеру... дети хотят знать все о сексе.

– Но при чем тут я? Я сказочные истории люблю читать... Секс на примере сказочных персонажей? – пошутила я.

– Хм, да?... А что, пожалуй, интересный проект, – воодушевился Игорь. – Это будет бестселлер!

– Гетеросексуальные отношения Кая и Герды, – понимающе сказала я, – а еще гомосексуальные отношения Малыша и Карлсона. Можно назвать главу «Сделай свой выбор». Или возьмем, к примеру, Снежную королеву.

– А что Снежная королева?

– Как что? Зачем она хотела взять Кая во дворец? А?! Думаю, педофилия...

– Ты считаешь? – заинтересованно взглянул на меня Игорь.

– Ну, не без этого, – важно пояснила. – Давай дальше. Мачеха и Золушка – инцест. Ах да, они же не родственники, но все равно в одной семье... Принц с туфелькой Золушки – фетишизм. Кот Базилио и Лиса Алиса – взаимная зоофилия.

– Да. – Игорь поощрительно улыбнулся. – Аты, оказывается, сечешь!

Я гордо кивнула – каждому приятно, когда он сечет в педофилии и фетишизме.

– Убойное название дадим! – закричал Игорь, немножко даже привскочив из-за стола. – Например, «Сказочные извращения»... или, или...

– Или «Сказочное свинство».

– Бестселлер, бестселлер! Карлсон – латентный гомосексуалист, Дюймовочка – лесбиянка... – бормотал Игорь как заведенный, как будто впал в транс.

Как все-таки приятно иметь дело с другом юности, который понимает тебя с полуслова, шутит с тобой совершенно на одной волне и даже шутливо впадает в транс.

– Давай подпишем договор, – сказал Игорь, выйдя из транса. – За две недели напишешь?

Ой... он, кажется, не шутит...

– Игорь... ты что, серьезно?!

– Еще как серьезно! Машка, я готов заплатить тебе за это очень приличный гонорар... – Он пошевелил губами, словно подсчитывая. – В общем, заплатить.

Ну вот, свершилось. У меня приличный гонорар. Значит, я приличный писатель. Ура, Дело Дня, ура-ура! Меня уже переполняют идеи: Голый король – типичный случай эксгибиционизма, Мальчик-с-пальчик – комплекс неполноценности. Интересно, какой гонорар?

– Игорь... – нерешительно сказала я, – а ты представляешь, что скажет папа? Если я... если я – такое!..

– Маша. Во-первых, твой папа сказал бы, – намекнул Игорь. – А во-вторых, сейчас уже не то время. То время давно прошло, Маша. И вообще, у тебя своя голова есть?

– Нету у меня. Только папина, – виновато сказала я.

Неужели мой папа прошел? Папа говорит, литература должна оставлять надежду, не бросать человека наедине со страшным. А Игорь хочет, чтобы я оставила детей наедине с извращенкой Снежной королевой и голубым Пьеро...

– Игорь, – торопливо заговорила я, – а можно я не буду про инцест, зоофилию и все такое, можно я хотя бы детский детектив? А?

– Можно, – разрешил Игорь и опять взглянул на часы – неужели он окончательно во мне разочаровался? – Только ты не напишешь детектив. Ты же ничего не знаешь о жизни. Все давно изменилось, а ты, Маша, все еще как Агния Барто. Идет бычок, качается...

Я ничего не знаю о жизни?! Я – идет бычок качается?!

Я такое знаю о жизни... Что он вздрогнет. У меня была очень бурная жизнь, полная приключений... особенно последние годы, когда папа уже совсем не мог без меня...

В сущности, Игорь прав, что не стал читать... В «Варенье», конечно, показаны нравственные ценности мум-зиков, это да, но сюжетвялый, скучный... Хорошо бы переделать «Варенье без свидетелей» в детектив, а затем написать еще парочку... к примеру, «Полиция в шкафу» и «Кот отпирает двери»... Потом можно написать «Ленивый Вареник: кто он – полицейский или бандит?», потом «Неопытное привидение», потом...

Но я не смогу. Какой у меня жизненный опыт, чтобы писать детективы? Вот если бы я была подполковник милиции или хотя бы сержант...

– До свидания, Мымрик, – вежливо сказал Игорь, не поднимая головы от бумаг, – заходи когда-нибудь обязательно.

– До свидания, Игорь, – вежливо сказала я и, обернувшись от двери, зачем-то шепотом добавила: – Красная Шапочка – зоофил.

Можно ли считать провал «Варенья без свидетелей» Делом Дня? Оглушительный провал. Позорный. Какой еще бывает провал? Окончательный.

Не важно, какой день

Вадим

Как же ее зовут – Катя, Маша?... Тьфу, черт... кажется, Катя.

Иногда Невозможное вдруг становится Возможным или, наоборот, Возможное становится Невозможным, к тому же Возможное и Невозможное иногда меняются местами, так что за ними уже совсем не уследить.

К примеру, респектабельный господин в пальто и ярко-красном шарфе, невозможный красавец от мышей, вдруг стал возможным красавцем от мышей в пальто и голубом шарфе. Стоял на пороге... нет, не с рабочим чемоданчиком мышелова, а с улыбкой. Странная у него улыбка, на этот раз я уже сразу была в очках и хорошо рассмотрела – такая застенчивая и нагловатая одновременно. Как у кота. Да, точно, как у Семы.

– Но я не вызывала... – сказала я. Господи, ну почему я такая идиотка?

– Добрый вечер, – улыбнулся господин. – Ну что, Обломов, дома сидите?

Влюбился! Секс-символ в пальто влюбился в меня с первого взгляда! Как в «мыльной опере»! Сейчас скажет, что забыл у меня блокнот, телефон, ботинок!.. А сам влюбился в меня. За мою неземную красоту!

– Катенька, можно я не буду выдумывать глупые предлоги? Я ехал мимо Вас по Фонтанке и подумал, что хочу кофе. Ну что Вы застыли как столб? Я не мышь, я Вас не укушу и даже, может быть, не ограблю. Меня зовут Вадим.

Неудобно сказать ему, что меня зовут не Катенька, а Маша.

– Вы забыли блокнот, телефон, ботинок? Влюбились в меня с первого взгляда? – деловито сказала я.

– Влюбился, – засмеялся господин, то есть Вадим.

– За мою неземную красоту? – уточнила я.

– Точно, – ухмыльнувшись, подтвердил Вадим. Что касается красоты, на этот раз я была не в халате и

тюбетейке, зато похожа на инопланетянина – со всех сторон из меня торчали палочки. Две из носа и две из ушей. Я лечу насморк старинным средством, палочками с пихтовой мазью.

– Аякараз... понимаете, насморк, очень сильный, – с достоинством сказала я, вынимая из носа палочки. – То есть, я хочу сказать, простите, что у меня насморк... Но тут секрет в том, что нужно засунуть палочки не только в нос, как многие считают, но и в уши... э-э... да. А Вы как лечите насморк?

Господин снял пальто и... Как интересно!.. В пальто был один человек, а под пальто другой! Как если бы фокусник в цирке вдруг снял черный плащ со звездами и превратился в женщину, или в клоуна, или в медведя, настолько он оказался другой. Ну, в общем, под пальто... Неловко про это говорить...

Нет, не в том смысле, что там, под пальто, он как-то неприлично себя повел (однажды я целый час дружила с эксгибиционистом, мастером по ремонту телефонов, пока он не... ох!..). Дело в том, что под пальто оказался бывший секс-символ. Пока еще стройный секс-символ, но уже слегка склонный к полноте, секс-символ, у которого уже совсем скоро будет немного слишком живот и немного слишком попа, не считая небольшой лысины со лба. Но в определенном возрасте как-то само собой подразумевается, что волосы человеку не обязательны, и это не мешает красоте, тем более у него такое мягкое лицо с висящей на нем улыбкой. Кстати, без пальто он еще больше похож на Сему.

Голубой шарф, висящая улыбка – все это великолепие устроилось на угловом диванчике у окна с видом на помойку и принялось разглядывать картины. Разглядывало картины и молчало, и я молчала.

Вадим

Дом странный – вышел из машины на Фонтанке и словно попал в другой мир. Такой захламленный мир, до краев наполненный чужой прошлой жизнью. Королевство забытых вещей, потерянного времени, в общем, что-то из детства... как будто время остановилось.

Ко мне все приходят, и я не молчу, разговариваю. Но этих всех, как правило, связывают со мной общие интересы – мы либо вместе учились, либо вместе чиним кран, либо вместе коллекционируем мои картины. Но какие у нас с великолепием общие интересы – мыши? Пусть само разговаривает, хочет о картинах, хочет о мышах. Тем более мне надо кое-что обдумать.

...Он мне не нравится – не то чтобы я чувствую себя рядом с ним особенно нечесаным пуделем, просто инстинктивная неприязнь к красивым мужчинам. Думаю, это у меня детская травма.

По Фрейду, детская травма уходит в подсознание и оттуда определяет все взрослые комплексы и поступки. Вот именно. У меня была детская травма – в три года я ушибла коленку, потому что меня уронил на пол один папин аспирант, очень красивый. Сначала держал на руках, а потом увлекся диссертацией и уронил. Детская травма ушла в подсознание, и с тех пор я терпеть не могу красивых мужчин. Думаю, поэтому мне так не нравится господин от мышей.

Вадим

Молчит. Эта Катя – редкая, удивительная женщина, потому что совсем мне не нравится. Вообще-то мне нравятся разные женщины, большей частью красивые, но ведь и в некрасивой можно увидеть какую-то неочевидную прелесть. А эта... в этой Кате все непривлекательно.

...Не удивилась и даже, кажется, не задала себе вопроса, зачем я к ней пришел. Пришел и пришел, похоже, к ней все приходят для необязательных бесед.

– Катя, расскажите мне про себя, – сказал Вадим с таким заинтересованным видом, как будто я звезда и он берет у меня интервью на кухне, а за занавеской прячется оператор с телекамерой.

– Нет! То есть я имею в виду, не обижайтесь, но я Маша... Вадим сделал вид, что он медиум, – прикрыл глаза и заговорил замогильным голосом:

– Я сейчас угадаю... Вы из хорошей питерской семьи. Ваш папа был профессор, или директор завода, или писатель... Вы не замужем. Детей у Вас нет.

Хорошо бы сейчас на кухню, зевая, вышел муж, в тапочках и халате, а за ним ввалилась стайка детей – вот был бы ему хороший урок.

– Вы программист, филолог, преподаватель... доцент?

Доцент! Как бы не так! Я автор «Варенья без свидетелей», пока не изданного.

Вадим

Девушка оформлена в стиле ретро. Максимально несовременное существо, интеллигентка из прошлого века – из советской жизни. С любимыми книгами, с этим ее папой, с жалким бытом, иллюзиями о высшей справедливости, идеализмом... Да еще это странное сочетание допотопных примет советского времени – все эти торшеры, кобальтовые чашки, треснувшие тарелки, чугунные сковородки – с живописью, которая на

«Сотбис» стоит миллионы!.. Нестеров, Кустодиев, Крамской, Добужинский...
О господи!

Наверняка она даже не оценивала картины... Не то чтобы она не понимает, сколько это стоит, она не убогая, не идиотка. Она просто не собирается понимать, зачем ей... Сидит в нищете на миллионах. К ней можно испытывать научный интерес, как к жуку на булавке. В детстве про таких, как она, говорили «дура несчастная». Жалкая, значит, дура, нелепая...

...Как поступить с картинами?! Ограбление? Пусть придумают что-нибудь пооригинальней.

Какой глупый разговор! Может быть, сказать ему, что мне пора на работу? Может быть, я работаю в круглосуточном кафе и могу уходить на работу, когда мне вздумается?

Ох, звонок. Интересно, кто это?

Сначала в дверь просунулся сапог, украшенный блестящими камушками, потом огромный норковый помпон, а потом уже вся Ада в голубом берете. Голубой берет с норковым помпоном – очень запоминающийся головной убор.

– Сапоги купила. – Ада повертела ногой. – Триста баксов дала.

– Красивые, – похвалила я, нервно оглядываясь. Не хотела знакомить ее с Вадимом.

Ада, она такая – начнет разговаривать сама, полностью отеснит меня норковым помпоном на второй план, и как я тогда смогу понять, зачем он пришел?

– Не с пустыми руками, – важно сказала Ада, – а с кое-чем.

Оказалось, «кое-что» – это кастрюлька. Кастрюлька осталась от Адиного любовного пиршества – днем она угощала своего нового друга обедом и часть обеда отложила для меня.

– Я готовлю лучше, чем шеф-повар во французском ресторане, особенно голубцы и пельмени, аты не знала?... Сегодня у меня голубцы.

Я благодарила, мялась и незаметно загораживала дверь на кухню.

– Машка... Дай что-нибудь повисеть, – попросила Ада и показала на Крамского: – Вот хоть этого Шишкина.

– Не дам, то есть, конечно, дам, но не сейчас, а как-нибудь потом, – твердо сказала я.

– Ну что тебе, Шишкина жалко? – пронила Ада, нахлобучила на меня свой берет и потянулась к Крамскому. – У нас с ним секса-то не было... А завтра как раз ответственная встреча... Завтра все решается, будет секс или так, ерунда... А послезавтра я приду за кастрюлькой и принесу тебе твою коричневую мазню обратно.

Почему Адин «секс» может произойти только в присутствии Крамского?

Так мы шепотом препирались, пока из кухни не раздался голос Вадима:

– Ну что, удалось выменять кастрюльку на картину? Ада заглянула на кухню и прошептала мне на ухо громким детским шепотом:

– А это еще что за х... с горы?

– Ада! – испуганно зашипела я. – Мы же договорились, что в русском языке любому слову можно найти эквивалент, буквально к любому...

– Я забыла какой... – виновато сказала Ада.

– Мужской половой орган, – прошептала я.

– Ладно, – громко сказала Ада. – Что это за мужской половой х... с горы?... Кр-расавец мужчина!.. Ну, Машка, у тебя роман, а ты тихаришься! Ну и как секс?

– Какой секс, Ада? – шепотом возмутилась я. – Мы с ним совершенно чужие люди, не считая мышей.

Ада все время твердит – секс, секс, прямо как ребенок!

Шепотом пыталась доказать Аде, что отношения двух людей не обязательно роман, бывает еще человеческая симпатия, взаимная приязнь, или человек может ехать мимо человека и зайти выпить кофе.

– Давно сидите-то? Минут двадцать? Уже пора... Сейчас я уйду, и у вас сразу же будет секс, – уверенно сказала Ада, вдвигаясь на кухню.

Слышал ли Вадим, что он мужской половой х... с горы? И что у нас сейчас будет секс? Не слышал. А если слышал? Господи, какой позор, какой ужас...

* * *

– Ну, не буду вам мешать, – сказала Ада и уселась за стол. – Машка, дай хоть чаю, что ли...

– Это Вадим, я думала, он человек от мышей, – обреченно сказала я. – А это Ада...

– Интеллигент в пятом поколении из рода Бенуа, коллекционер, агентство недвижимости «АДА», – представилась Ада.

Вадим заулыбался, засветился так, как будто он Адин новогодний подарок.

Наверное, бывшие секс-символы общаются так со всеми женщинами моложе семидесяти – дарят себя всем, как подарок, просто включают обаяние, как включают торшер. А я бы, например, вместо этого господина хотела получить шоколадный торт, чтобы слой шоколада, слой вафель, – лично я против фруктовой прослойки, а современная тенденция шоколадных тортов клонится к фруктовой прослойке... Что-то я увлеклась.

Ада выпила чай, съела два своих голубца, Вадим тоже два, я один – изображала тонкую натуру. Я очень хотела второй голубец – они так вкусно пахнут!.. Американцы изобрели специальный спрей: попрыскаешь – и не ощущаешь запаха пищи и не хочешь голубцов. Еще хорошо бы специальные очки, которые превращали бы голубцы в разваристую цветную капусту или молоко с пенкой...

Ничего, пусть только уйдут, за ними еще дверь не успеет закрыться, как я съем второй голубец!..

– Ну а теперь самое главное. У тебя есть бакс? – деловым тоном спросила Ада, вытащила из сумки сложенную аккуратным квадратиком газету и, торжественно развернув ее на столе, достала вложенную в нее небольшую картонку. – Ну?! Есть бакс, я тебя спрашиваю? А?

– С собой баксов сто и сто евро, остальное рубли, – ответил Вадим. – А сколько надо?

– Да я сама могу тебе сколько хочешь баксов насыпать, – отмахнулась Ада. – Я Машку спрашиваю. Машка, у тебя есть бакс? – Ада нетерпеливо притопнула ногой. – Говорю же тебе, дурья башка, – бакс! Что, нет? Ау меня есть. В комиссионке купила, – показала она на картонку. – Сказали, настоящий бакс. Показать?

– Бакст, – догадалась я. – Ох! Неужели Бакст?!

Что же там у Ады? У меня даже мурашки по телу побежали – а вдруг там неизвестный портрет Дягилева, или какой-нибудь танцовщицы, или автопортрет!

– Ада, не может быть, поздравляю!.. Покажите скорей! Ада гордо кивнула:

– Может, может. За деньги все может. Покажу. Сначала расскажи мне про этого Бакса, что-то я про него подзабыла.

Я послушно сказала:

– Бакст Лев Самойлович, настоящее имя и фамилия Розенберг, Лейб-Хаим Израилевич, – знаменитый русский художник и сценограф. Родился в Гродно в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году, а умер в Париже... Когда же он умер? Кажется, году в двадцать четвертом или двадцать пятом... Его отец был мелкий коммерсант, не разрешал ему учиться в Академии художеств... Ну покажите, пожалуйста, – попросила я, и Ада демонстративным движением руки, как настоящий фокусник, перевернула картонку.

На картонке был изображен человек в берете. Это был не Дягилев, не танцовщица и не сам Бакст. Я внимательно смотрела на изображение – бедная, бедная Ада, я не такой уж большой знаток, но как ей сказать, что картинку нарисовали вчера в этой ее комиссионке?

* * *

– Почем нынче Бакст? – поинтересовался Вадим.

– По деньгам... – хмыкнула Ада. – Не то чтобы даром, но я могу себе позволить... Чуть дороже сапог. Триста восемьдесят баксов.

– Удачная покупка, – серьезно похвалил Вадим, – находка коллекционера.

Папа говорит, смеяться над невежеством все равно что смеяться над болезнью. К тому же смешное можно найти в каждом человеке, вот Вадим, к примеру, носит разноцветные шелковые шарфы, а я... я вообще, оказывается, сижу за столом в Адином берете с помпоном. Когда я успела его нацепить?

– Правда, подписи нет, – призналась Ада. – Сказали, с подписью будет еще дороже.

– Так, может, подпишем? – сияя, предложил Вадим.

– Нет! – закричала я. – Пожалуйста, Ада, не надо больше покупать без подписи, и с подписью не надо. Кстати, он подписывал свои работы «Бакст», потому что фамилия его бабушки была Бакстер.

– Машка, не умничай! И не завидуй! У тебя и так картинокдо х... и больше, – сказала Ада и протянула Вадиму картонку.

Вадим нацарапал в углу «Бакст», и довольная Ада завернула картонку в газету.

– Повешу в спальне, подсветку сделаю. Это тебе не твоя коричневая мазня, а настоящий Бакс.

...Сказать, не сказать? Нет, не скажу. А если в следующий раз Аде в комиссионке продадут Рембрандта без подписи за триста восемьдесят долларов, тогда скажу? А почему в этой комиссионке Рембрандт с подписью? Просто интересно.

– Нет! Нет! Аванс за сделку не отдам! Ну и что, что сделка не состоялась! – вдруг заорала Ада, так что я вздрогнула. – Денег ни хера нет!

Я удивилась, к кому она обращается, – ко мне, к Вадиму, но оказалось, Ада уже говорила не с нами, а по телефону. У нее такой телефон, по которому говорят не в трубку, а неожиданно кричат прямо в пространство.

– Ада... Вы сами просили вас поправлять... Можно поправить? Достаточно просто сказать «нет»...

– А если я не хочу сказать «нет»? – прикрыв рот рукой, шепотом возмутилась Ада. – А если я хочу сказать «Нет, нет, нет! Не дам, не дам, не дам!»?

– Тогда... – я задумалась, – тогда скажите «отнюдь». «Отнюдь» употребляется перед отрицанием. Это усиление отрицания. Означает «никоим образом, совсем нет»... Например, «отнюдь не намерена соглашаться с вами».

– Поняла. Какое культурное выражение, – кивнула Ада и громко сказала своему невидимому собеседнику: – Знаете что? Отнюдь ни хера не дам!

Вадим пошел провожать Аду – наконец-то. От Ады осталась пустая кастрюлька, а от Вадима улыбка, как от Чеширского кота.

Можно ли считать визит бывшего секс-символа Делом Дня?

Думаю, нет.

Дело Дня – работа. Не в круглосуточном кафе, а пять долларов лист. Я уныло поплелась к компьютеру и даже папин халат не надела, так мне было отчего-то грустно. А уж тибетейку тем более.

...После каждого использования рекомендуется производить чистку изделия. Это предотвращает накопление грязи и жира,

которые образуются при приготовлении пищи, а также появление неприятных запахов и дыма. Не допускайте прямого воздействия на технику внешних факторов {дождь, солнечные лучи и т. д.).

Почему дождь, откуда дождь? Но так написано, я и перевела. Может быть, производители имеют в виду, если вдруг дыра в потолке и пойдет дождь?

Не допускайте использования изделия без Вашего присмотра детьми или другими лицами с ограниченной дееспособностью. Не прислоняйтесь к дверцам и не храните легковоспламеняющиеся предметы внутри «Трио», это может вызвать их воспламенение припри... при...

Я тупо смотрела в пять долларов лист, и вдруг что-то со мной случилось!.. Я встала, быстро надела папин халат и тюбетейку, закурила и с сигаретой в руке бросилась к компьютеру и быстро-быстро застучала по клавишам.

План первой главы.

Красавица Мари – одинокий мумзик лет тридцати семи. В доме Мари висят очень ценные картины... да, очень ценные картины – Рафаэль, Рембрандт, Веласкес. Еще Эль Греко. Они достались ей из семьи, богатой и древней. Мари принимает невозможного красавца за... за водопроводчика или за мумзика от мышей. Красавец, назовем его Вадим... У мумзиков бывает такое имя? Если нет, то можно будет потом переименовать его Фердинандом или Аквамарином.

На самом деле Вадим – детектив, умный и ловкий. Он случайно узнал, что Рафаэль, Рембрандт и Веласкес в опасности. Еще Эль Греко.

...Кстати, теперь стало понятно, почему я всегда работаю в халате и тюбетейке. Это потому, что писатели – странные люди. Достоевский лежал в постели, отвернувшись к стене, и диктовал свои произведения жене; Алексей Толстой вообще писал стоя, с мокрой тряпкой на голове; Эдгар По сочинял, поставив ноги в холодную воду. По сравнению с ними папин узбекский халат – обычная теплая одежда для петербургского климата... Да, но тюбетейка, тюбетейка?

А тюбетейка означает, что я тоже странная, как все писатели.

Я докажу Игорю, что могу написать детектив! Хотя я и не майор милиции, я тоже кое-что видела в жизни. Например, Вадима.

Вадим

Это был правильный визит. Жук на булавке – правильный увлекательный жук.

Как же она живет, интеллигентка позапрошлого дня, в окружении людей, которые вместо «отнюдь» говорят «ни хера»? Идеалистка хренова, принцесса на помойке!.. Жаль, что такая некрасивая, а то можно было бы ее пару раз спасти.

Кражу сделать с убийством? Или нет?

Следующий день

Весь день доказывала Игорю, что я могу написать детектив.

Все-таки ужасно неудобно, когда локти свисают с ломберного столика... Конечно, я могла бы купить нормальный компьютерный стол. Если я напишу книжку, папа будет мной гордиться.

Кстати, большая ошибка считать, что родители только и думают о своих детях. Родители относятся к своим детям по-разному. Мои, например, совсем обо мне не думали – родили меня очень поздно, а потом умерли и оставили меня без себя.

Я по-прежнему живу в проходной комнате, в папином кабинете – кабинет, в их спальне – спальня... Все, как было раньше. Их друзья считали, что девочке (мне) нужна отдельная комната, но они были не правы, потому что тогда я не смогла бы полноценно принимать гостей вместе с мамой-папой, а у таких блестящих людей, как мама с папой, были блестящие друзья. К тому же отдельная комната ничего не меняла – папа с мамой были везде. И сейчас они тоже везде.

Папа был известный ученый, у него была собственная школа, ученики по всей стране... Мама была красавица. Я не ученая и не красавица... У них была любовь, любовь навею жизнь. Когда я родилась, маме было за сорок, а папе за пятьдесят. Но я не была обожаемым поздним ребенком, слишком они любили друг друга и уж очень интересная была их жизнь.

Они – самое яркое, что было в моей жизни. Они были, как дубы, а я произрастала рядом, как чахлый кустик. Они мне дали всё. Я иногда думаю: а может быть, мне не стоило брать это всё, потому что это всё было их, а лучше бы я взяла от жизни хоть что-нибудь свое. Я была их предметом, а предмет без хозяев – что? Пылится в углу... Но это, конечно, глупости.

Мама говорила, я не выйду замуж. Папа говорил, я не сделаю карьеру. Я не вышла, не сделала и пылюсь на Фонтанке. Я так любила маму и папу. Особенно папу. Особенно папу.

Когда мама умерла, я осталась при папе, а папа при работе. Год назад папа пришел домой и сказал: «Все, сегодня защитился мой последний аспирант». Потом лег спать, заснул и умер. Во дворе института стоит скамейка, на ней сзади написано «Ученикам от профессора» – это его аспиранты придумали. Чтобы сидеть на скамейке и вспоминать его. Я тоже хожу посидеть на скамейке. До площади Репина идти недалеко.

Итак. Вадим – детектив, умный и ловкий. Он случайно узнал, что Рафаэль, Рембрандт и Веласкес в опасности. Еще Эль Греко. Опасность для Рафаэля и др. – мум-зик Игорь, злодей, похожий на отличника. Игорь – мум-зик без чести и совести... нет, пусть немного чести у него все-таки будет – задумывает ограбление. Он хочет влюбить Мари в себя. Это самый простой путь – одинокая Мари влюбится, оставит его ночевать, и тут-то он и... ага!

Вот такой план произведения. По-моему, для начала неплохо.

Нехорошо делать Игоря злодеем только за то, что он не прочитал мое «Варенье»? Или хорошо?

Но ведь так поступали все! Данте всех своих врагов разместил в аду, а художники часто изображали Иуду с лицом своего личного врага – нам, творцам, свойственна детская наивность. Конечно, в жизни Игорь не злодей, а деловой человек, но я вообще не встречала чистых злодеев в масках и с кинжалами... Творцу приходится многим жертвовать – сном, едой... Я пожертвую Игорем.

Кстати, писатели особенно хороши в этом смысле. Тургенев говорил, что не мог бы создать литературный образ, если бы не отталкивался всякий раз от живого человека.

К тому же Игорь никогда не узнает, что он – мумзик. Наоборот, он сможет гордо сказать в каком-нибудь интервью: «Это я навел знаменитую писательницу детективов Суворову-Гинзбург на мысль об этом бессовестном персонаже».

Примечание. Обдумать, что такое красавица по-мум-зиковски. К примеру, у нее нос с изящной горбинкой, облако кудряшек... очки – это само собой...

Следующий день... или через один, или через два, не важно

...Пять долларов лист. В пересчете на шоколадно-вафельный торт – три целых четыре десятых шоколадно-вафельных тортов лист. Сколько можно продержаться без пяти долларов лист? А без шоколадных тортов?

...пользуйтесь кухонными рукавицами, когда ставите или вынимаете блюда из духовки; когда в процессе готовки используются жир или масло, внимательно следите за процессом приготовления...

Ох, Вадим – на одну чашку кофе и две сигареты. В черном свитере и черных джинсах. Забыл у меня голубой шарф.

...так как сильно нагретый жир или масло могут внезапно воспламениться. Мари и Вадим ведут долгие беседы у камина. Сильно нагретый жир или масло могут внезапно воспламениться. Мари рассказывает Вадиму о себе, о своей семье. Сильно нагретый жир или масло могут внезапно воспламениться, как чувства Мари к Вадиму. В зимнем саду они тоже беседуют.

Мари кажется, что она нашла настоящего друга, что она больше не одинока... Вадим ее слушает... Он так слушает, что... а кто бы не влюбился в человека, которому интересно про тебя все?... И Мари влюбляется в него за это.

* * *

Если честно, не за это. Она просто влюбилась с первого взгляда.

Приходится признать: умная одинокая Мари влюбляется в Вадима, которого считает человеком от мышей, с первого взгляда, как дура, как дикая старая дева, как блондинка. Она всегда влюбляется с первого взгляда – раз, как будто в ней что-то шелкнуло и замкнуло.

Злодей Игорь заказывает себе кольцо с заостренным бриллиантом – планирует вырезать холст из рамы как будто между прочим, одним мановением руки.

Ада (не Ада, амумзик Ада, они же все мумзики) – верная, преданная экономка красавицы Мари – одобряет визиты Вадима. На нее, пожилого, умудренного жизнью мумзика, тоже действуют его мягкая улыбка, его сексуальное обаяние...

«Положись на меня, девочка, – говорит Ада, – я помогу тебе покорить сердце при помощи жюльена и про-фитролей!» Ада пользуется кухонными рукавицами, когда ставит и вынимает блюда из духовки, внимательно следит за процессом приготовления фуа-гра с лесными ягодами...

«Люби, дитя, – растроганно говорит Ада, пробуя фуа-гра. – Люби, пока не завяли розы на твоих щечках».

Примечание. Обдумать, что такое сексуальное обаяние по-мумзиковски. Не забыть, что читатели – дети. Может ли быть, что сексуально обаятельные мумзики носят черные джинсы? И черные свитера. Казалось бы, это пустяк, детектив Вадим мог быть одет в камзол и жабо, но нет: внимание к мелочам – одна из черт, присущих настоящим писателям.

Мари влюблена, а я нет, НЕ влюблена...

Я всегда влюбляюсь одинаково – мгновенно, как будто во мне что-то шелкнуло и замкнуло. Вот посмотрю на человека, и мне сразу же понятно – это мой человек. Правда, потом оказывается, что нет, не мой. Не говоря уж о том, что я тоже не его человек. Но все равно всегда шелкает. Атут – ничего, хоть и бывший секс-символ.

Кстати, мне вообще глупо влюбляться в секс-символ. Символы должны влюбляться друг в друга, а я же не являюсь символом красоты, или Олимпийских игр, или еще чего-нибудь.

Почему после визитов Вадима я всегда как сумасшедшая бросаюсь к «Варенью»?

Четверг, 19.20

Вадим

Я остановился на Фонтанке перед ее домом, сидел в машине и размышлял, как будто отрывал лепестки ромашки: зайти – не зайти? В принципе все уже готово, она мне больше не нужна.

Вадим отказался от кофе, сказал, хочет еще раз взглянуть на картины.

– А наследники у Вас есть? – поинтересовался Вадим, рассматривая маленькую картинку над диваном, мою любимую – девочку с синим лицом на фоне оранжевого неба. – Какие-нибудь родственники? Или Вы совсем одна?

– У меня есть родственники в Русском музее, – сказала я. – Там два портрета моих предков, из рода Суворовых.

– И это все? – удовлетворенно засмеялся Вадим.

Думаю, это все. Хотя... Я никогда не спрашиваю на звонок в дверь: «Кто там?»... А вдруг там кто-то неожиданный? Наверное, я подсознательно надеюсь на вдруг-брата, или на вдруг-сестру, или на вдруг-наследство из Австралии...

– А это у Вас кто? Тоже кто-нибудь из Русского музея? – спросил Вадим про маленькую картинку, мою любимую, – девочку с синим лицом на фоне оранжевого неба.

– Нет, что Вы. Это папина работа. Папа говорит, что живопись и наука – это формы познания мира, он увлекся живописью не так давно, после семидесяти, и у него даже были выставки в Доме ученых.

– А это тоже Ваш папа рисовал? – Вадим кивнул на портрет над роялем.

– Ну-у... не совсем. Не обижайтесь, но это как раз «из Русского музея». Это Кустодиев.

– Не продаете? – быстро спросил Вадим. – Кустодиева не продаете? Пока не продавайте...

– Как это продаю? – удивилась я. – Кустодиева продаю? Это же мой прадедушка... Может быть, все-таки кофе?

– Кустодиев – Ваш прадедушка? – заинтересованно переспросил Вадим. Посмотрел на меня с уважением.

Мой прадедушка не Кустодиев, а портрет, то есть это портрет моего прадедушки. Он был губернатором Санкт-Петербурга.

Я молчала и думала: заметит ли он, если я уйду не попрощавшись?... Не хочу с ним дружить. Скажу, что мне нужно на работу в круглосуточное кафе, да.

Вадим задумался, и разговор как-то стих. Неловко получилось – вдруг он подумает, что мне с ним скучно и поэтому я ухожу на работу?

– А хотите, обсудим тему «Русские художники начала века»? – предложила я. – Или, хотите, поговорим о мультфильмах или о чем хотите... А хотите, я покажу Вам папины книги и патенты на изобретения?

Вадим

Черт, черт, черт, абсолютно бессмысленный вечер! Она что, с ума сошла?! Зачем мне старые фотографии, зачем мне папашины книги, зачем мне патенты на изобретения?! Кстати, о фотографиях. И это о них она говорит – красивые, блестящие люди?! У профессора, ее отца, несоразмерно большая голова и хилое тело, как будто приспособлено к голове по ошибке. Длинное унылое лицо, нос, робкие печальные глаза. Профессор Плейшнер в старомодном пальто с длинным каракулевым воротником.

Мать, она говорила, красавица... Ну, не знаю... Слишком узкие детские плечи, упрямый подбородок, глаза в пол-лица – типичная «барыня из прежних».

– Все, Маша, мне пора, спасибо, – сказал Вадим, как будто захлопнул блокнот.

Вадим встретился с Адой на лестнице – и вернулся. Ада – с кастрюлькой. В кастрюльке фрикадельки с рисом.

– Ада, мне нужна квартира на Фонтанке, между Летним садом и Михайловским. Вместо этой. – Вадим обвел глазами мою кухню.

– Так купите эту, – предложила Ада. – За помойку скидка пять процентов.

– А я?... – удивилась я. – А меня куда?

– Тебя? Ты же говорила, у твоей матери был дом в Вильнюсе? – Адины глаза загорелись при упоминании недвижимости.

Я засмеялась:

– Но это же было до революции...

– Так надо отнять, – решительно сказала Ада. – Ты точный адрес знаешь? Какого х...ра они твоим домом пользуются?

Вообще-то в русском мате девять корневых слов, а Ада употребляет одно-два, может быть, три. Всего три, это ничего, это нормально... не буду ее больше поправлять.

Сказала Вадиму с Адой про корневые слова. Оба очень удивились: как, всего девять? И стали загибать пальцы и шептать про себя. Вадим насчитал пять, а Ада двенадцать.

Ада выпила три чашки чаю и засобиравалась на работу.

– Да... забыла тебя спросить, – небрежно сказала она Вадиму. Оказывается, она с ним на ты. – Ты каким бизнесом занимаешься?

Ничего она не забыла, Ада уже спрашивала Вадима, чем он занимается. Он сказал Аде, что у него нефть, металл... ресурсы, одним словом. Но Ада очень недоверчивая.

– Да так, всем понемногу... – охотно ответил Вадим. – У меня сеть ресторанов быстрого питания, один на Невском, другой на Дворцовой.

Вадим ел одну фрикадельку за другой. Съел почти все. Половина свинины, половина говядины, поджаристая корочка.

Ада подмигивала и громко шептала: «Я тебе проложу хороший широкий путь к его сердцу».

Я представила дорогу, и через каждые сто метров фрикаделька, а в конце диван, на диване сидит сердце Вадима с фрикаделькой в руке и говорит: «Я твое»...

Ну и зачем мне постороннее сердце с фрикаделькой в руке? К тому же я тоже неравнодушна к фрикаделькам.

* * *

Ада незаметно выманила меня в прихожую – просто сказала: «Машка, выйди на два слова»...

– Кто он такой? От х... уши у него, а не рестораны, – сказала Ада. – Ты как считаешь?

А я не знаю. Дирижер, продавец мороженого, физик-атомщик, незначительный актер? Оказывается, я ничего о нем не знаю – он все время молчит и улыбается. Черный ящик. Хорошо, если бы он был врач, к врачам я испытываю особенное доверие, когда они не делают мне больно. Пусть бы он был врач на «скорой», можно было бы его иногда вызывать.

Ада вытащила из сумки пакетик:

– На вот, возьми. Скажешь с намеком: «Мне нужно в ванную». Вечером приду проверю.

Я заглянула в пакетик – черные чулки в сеточку. И пояс, тоже черный, кружевной. Красиво.

Не может быть, чтобы Ада считала меня такой умелой соблазнительницей. Думаю, она перепутала и дала мне другой пакетик, а не этот, для секса.

Мы с Вадимом еще выпили кофе, и он посоветовал мне держать руку на пульсе своей недвижимости.

– А то проснетесь в Вильнюсе. Хотите в Вильнюс? Я не хочу в Вильнюс.

Вадим

Все-таки я был прав, что зашел к ней еще раз. Прадедущка губернатор Санкт-Петербурга – это сильно. Пригодится – не сейчас, так потом.

Категории «хороший» – «плохой» для описания какого-либо человека давно исчезли из моего лексикона. Даже в детстве все уже было неоднозначно. А эту Машу можно определить одним словом – хорошая.

Ну... ладно. От нее не убудет... Хорошим нужно делиться.

...Недвижимость в Вильнюсе? Может, и здесь что-нибудь сделать? Можно, но хлопотно.

Как только Вадим ушел, я, как настоящий, по уши поглощенный творчеством писатель не в себе, бросилась в халат и тюбетейку и быстро-быстро застучала по клавишам.

... Игорь покупает в аптеке снотворное. Он тайком остается ночевать у Мари. Вадим тоже остается ночевать у Мари, не тайком. Секс? Нет, Мари хорошо воспитана в своей древней семье. Старый камердинер, преданно служивший еще прадедущке Мари, постелил Вадиму на диванчике в прихожей.

Снотворное в стакане. Игорь на цыпочках крадется в гостиную (за Рафаэлем), в спальню (там Эль Греко) и на кухню (там Рембрандт). И вырезает бесценные холсты из рам. И заменяет бесценные холсты на картинки из журнала «Огонек». Несет бесценные холсты в прихожую, потому что ему уже пора домой. И вдруг... вдруг его останавливает чей-то всевидящий глаз в маске и с кинжалом. Это Вадим.

...Игорь прячет бесценные холсты в кладовке между банками с вареньем. Попытка не удалась. Пока не удалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.